DMITRIY POZHARSKIY UNIVERSITY

Jakov Yu. Mezheritskiy

Emperor Augustus' "Restored Republic"

Moscow
Dmitriy Pozharskiy University
2016

УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

Я. Ю. Межерицкий

«Восстановленная республика» императора Августа

Москва
Университет Дмитрия Пожарского
2016

УДК 94(37)
94(37).07
321. 15
ББК 63.3(0)323-4
М43

Подготовлено к печати и издано по решению Ученого совета Дмитрия Пожарского

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор кафедры теории
и истории государства и права Московского государственного
областного университета *В. И. Козловская,*
доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии Саратовского
государственного технического университета им. Ю. А. Гагарина *В. Н. Парфенов,*
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей
истории Российской академии наук *А. Л. Смышляев*

Межерицкий Я. Ю.

М43 «Восстановленная республика» императора Августа. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 992 с.: 88 черно-белых и 22 цветных илл.

Jakov Yu. Mezheritskiy. Emperor Augustus' "Restored Republic". Moscow: Russian foundation for science and education, 2016. — 992 pp.: 88 black and white, 22 color ills.

ISBN 978-5-91244-169-1

Исследование посвящено политическим и идеологическим аспектам истории «века Августа». Время его жизни (63 г. до н.э. – 14 г. н.э.) полностью или частично совпадает с такими историческими явлениями, как начало новой (христианской) эры, «золотой век» литературы, «римская революция». Но не только этим объясняется как неугасимый интерес, так и непрекращающаяся полемика вокруг деятельности политика. Август провозгласил «восстановление республики», но с его правления начинается история Римской империи. Кто прав: непримиримые критики, считающие Августа жестоким убийцей и лицемерным властолюбцем, или почитатели, видящие в нем выдающегося государственного деятеля? Не затушевывая отталкивающие поступки, автор отмечает позитивные результаты деятельности Августа, обязанные его образованности, кругозору и политической интуиции. Монография адресована всем интересующимся античностью и ее культурой, историкам государства и политологам.

Илл. на титуле: Ауреус 28 г. до н.э. Аверс — портрет Октавиана, на реверсе
он изображен возвращающим законы и правопорядок Римскому народу

УДК 94(37)
94(37).07
321. 15
ББК 63.3(0)323-4

ISBN 978-5-91244-169-1
© Межерицкий Я. Ю., текст, иллюстрации, 2016
© Ормонт М. А., дизайн макета и обложки, верстка, 2016
© Русский фонд содействия образованию и науке, 2016

Содержание

Предисловие 9

I. **Мифы и реалии Августова века** 13

1. Августов век: рубеж эпох 15
2. О «республике» и «империи» Римского народа: предварительные замечания о терминах 18
3. Задачи и структура работы 24
4. Некоторые особенности подхода к источникам 30
5. Свидетельства участников, очевидцев, младших современников (проза) 32
6. Произведения поэтов «Августова века» 39
7. Надписи 42
8. Монеты, памятники искусства и архитектуры 46
9. Последующая античная традиция. 51

II. **Интерпретации принципата и «восстановленной республики»** 59

1. Современная августиана 61
2. О трактовках принципата и «восстановленной республики»: до Моммзена включительно 68
3. Обращение к неправовым источникам власти. Теории «фасада» 72
4. «Республиканизм» как существенный фактор политики Августа 84
5. Лабиринты «восстановленной республики» 108
6. «Республиканские» и «имперские» горизонты изучения Августова Рима 115

III. **«Римская республика»: безальтернативный кризис и конкуренция альтернатив** 123

1. Исторический феномен, историографический конструкт и миф 125
2. «Утрата республики» и поиски альтернатив 146
3. Борьба за наследство Юлия Цезаря 157

4. Время выбора 170
5. Италия: идея «республики» жива 175
6. Антоний в мире грёз 180
7. Запад против Востока 187
8. Борьба за власть как отбор вариантов выхода из кризиса 194

IV. **«Возвращение республики»: идеи, замысел, осуществление** 203

1. Италия после бури: прозрения и надежды 205
2. Еще о неосуществившихся попытках спасения «республики»: Сулла и Помпей 208
3. Наследие диктатора и пиетет наследника 212
4. *Res publica* — достояние Римского народа 218
5. Формы «республики» 230
6. Поиски главного архитектора 238
7. Эскиз к интеллектуальному портрету правителя 246
8. В начале было слово 266
9. «Возвращение республики» 280

V. **«Восстановленная республика» и её смешанная конституция в теории и на практике** 295

1. Принцепс, принципат и «восстановленная республика» 297
2. «Наилучшая форма» для «восстановленной республики» 307
3. Апробация установлений 27 года до н.э.: настораживающие сбои 326
4. Заговоры и урегулирования 23 года до н.э. 330
5. Популизм и республиканизм 338
6. После начала «нового века» 346
7. «Династическая политика» 355
8. Внеправовые истоки полномочий правителя 366
9. Смешанная конституция в действии 374

VI. **Древние мифы для нового века** 389

1. Римский миф, антиквары и идеология «реставрации» 391
2. Возрождение древней религии 403
3. Культ правителя в империи и в «восстановленной республике» 418
4. Прокрустово ложе законов о браках 444
5. Старинные нравы и новые законы «восстановленной республики» 457
6. Секулярные торжества и новый век 468

VII. **Самопрезентация нового режима: слово и образ** 481

1. Пропаганда, риторика или общение с подданными? 483
2. «Свобода» или «республика»? 490
3. «Авторитет» с добродетелями на золотом щите 498
4. Имена, добродетели, титулы принцепса и императора 507
5. *"Res gestae divi Augusti"*: время создания и содержание 520
6. От пропагандистской перепалки — к манифесту Отца отечества 526
7. Эффект присутствия: портреты правителя 530
8. Статуя из Прима Порта и Августова гемма 542
9. Свидетельства монет: Кесарю — Кесарево, сенату — «почет» 548

VIII. **Строительная политика и монументальная пропаганда** 555

1. Благоустройство, социальная политика и идеология 557
2. Архитектура крупным планом: кирпич и мрамор 570
3. Республиканский мавзолей 573
4. Алтарь Мира на территории бога войны 579
5. Обелиск: между небом и землей 586
6. Римский форум и «восстановленная республика» 594
7. Форум Августа — атриум Отца отечества 606
8. Палатин: холм, дом, дворец. 618
9. Эволюция «республиканско»-имперской образности 637

IX. **Метаморфозы идеи «республики» в век Империи** 645

1. Методологические замечания 647
2. Басилеи и принцепсы 650
3. Тацит, или как большое видится на расстоянии 654
4. О «революции в сознании» и «республиканской оппозиции» 663
5. Философия и показания поэтического барометра 673
6. «Помпеянство» и его лики 699
7. Катон и Брут — опасные призраки «свободной республики» 716
8. Метаморфозы общественного сознания и смена эпох 733

X. **Восстановление «республики», основание Империи и формирование монархии** 749

1. *Res publica, res publica libera* и республика 751
2. *Res publica restituta* 756
3. «Принципат Августа» как процесс 760
4. «Республика» и наилучшая форма государства. 764
5. Поместья Римского народа 770

6. Создание Римской империи 776
7. Империя и «восстановленная республика» на пути к монархии 789

Цветные иллюстрации 801

XI. **Заключение: *res publica* и римское государство времени Августа** 817

XII. **Приложения** 825

1. Хронология 827
2. Список иллюстраций с пояснениями. 829
3. Некоторые латинские термины 843
4. Указатели. . . . . .
– *Античные имена* 854
– *Предметный указатель* 881
5. Сокращения . . . . . .
– *Античные авторы и их сочинения* 892
– *Надписи, монеты и другие источники* 896
– *Периодические и некоторые другие издания* 896
6. Библиография . . . . . .
– *Источники, комментарии, переводы* 901
– *Литература* 907
7. Summary; contents 969
8. Resümee; Inhaltsverzeichnis 972

Предисловие

Две тысячи лет тому завершилась жизнь Августа — основателя Римской империи. Книга не готовилась к юбилею, но внушительная дата стала дополнительным поводом для раздумий. Удаленность во времени задает масштаб. Большое видится на расстоянии если не лучше, то безусловно иначе.

Монография выросла из намерения переиздать давно опубликованную книгу «Республиканская монархия». Метаморфозы идеологии и политики императора Августа» (1994). Разумеется, время внесло свои коррективы. Выявились некоторые аспекты, которым раньше не придавалось должного внимания. Возникло ощущение, что можно глубже заглянуть в природу событий. В результате размышлений, поисков и бесчисленных корректировок получилась новая монография, в которую вошли, поскольку этого требовала цельность исторической реконструкции, отдельные части предыдущей.

Автору важно было добиться концептуальной прозрачности. И при этом — избежать примитивизации, взгляда на изучаемый исторический объект сверху вниз. В популярной литературе все еще встречается поверхностная трактовка правления Августа как монархии, закамуфлированной под республику. С другой стороны, в серьезных работах широко распространено мнение, что «принципат Августа» — это некий парадокс, нелогичное (и ущербное?) смешение республики и монархии.

Внимательное чтение источников приводит к убеждению, что участники событий ощущали новый режим как естественное и единое целое. Противоречивость, неясность — проблема нашего понимания. Тот факт, что государственная система, выстроенная Августом, успешно функционировала, свидетельствует о наличии логики (не обязательно совпадающей с нашей), которая лежала в основе реформ. За этим стояли люди, которые были способны осмыслить ситуацию и найти приемлемые решения. Создание столь сложной системы не могло быть только результатом совпадения тысяч случайностей. Однажды академик В. И. Вернадский (1863–1945), отвечая сторонникам теории стихийного отбора как главного фактора эволюции, сравнил этот процесс с получением текста: сколько необходимо трясти ящик с типографскими шрифтами, чтобы появился набор эпопеи «Война и мир»?

Аналогия применима к вопросу об устроении Римской империи. Такая конструкция не могла получиться только как результат проб и ошибок — это на протяжении предшествовавшего столетия показали гражданские войны. Увы, обществу время от времени необходимы смуты — но лишь чтобы убедиться в бесперспективности «метода» разрушения. Затем люди возвращаются к восстановлению и строительству. Данный этап требует разумного выбора пути, предполагает наличие плана или идеи. Созидательный замысел, оформленный как идеология и реализуемый в практической политике, должен отвечать состоянию общественного сознания, вызывая отклик в настроениях людей. Августу удалось найти такое соответствие, причем применительно к каждой из составных частей огромной державы. Здесь — ключ к его успеху и к пониманию уникального государственного устройства Ранней Империи.

Изучение римского общества времени гражданских войн и начала Империи предполагает освоение огромного интеллектуального наследия, созданного поколениями антиковедов. Автор стремился учесть основные точки зрения по ключевым проблемам, но исчерпать всю литературу оказалось невозможным. Нередко приходилось себя останавливать, чтобы не уводить читателя в бесконечные комментарии по частным аспектам, как бы сами по себе интересны они ни были. При этом не покидало чувство благодарности к упомянутым по ходу изложения, в примечаниях и в библиографии исследователям, чьи наблюдения постоянно наталкивали на новые мысли.

Книга получилась довольно объёмной. Многие разделы можно читать как самостоятельные очерки. Некоторые факты и мысли повторяются, освещаясь под разными углами зрения. Ориентации служат подробное оглавление, перекрестные сноски и указатели. Для кого-то может оказаться полезным предварительное чтение после I — сразу X главы и «Заключения». Но лишь все разделы, сложенные вместе, дадут цельную картину исторического феномена «восстановленной республики» Августа в её сопряжении с Империей.

Импульсом к продолжению работы послужили пожелания моих учителей и оппонентов А. И. Немировского, И. С. Свенцицкой и Г. С. Кнабе. Автор признателен коллегам по бывшей кафедре всеобщей истории Калужского государственного университета: Н. А. Богодаровой, Н. О. Майоровой, А. Е. Барышникову, которые высказали полезные замечания, позволившие улучшить текст рукописи. В ее редактирование внесла значительный вклад В. М. Межерицкая, которой я обязан постоянной поддержкой. А. В. Преображенская и Ш. Ной (Stephan Neu) помогли уточнить формулировки в аннотациях.

Рецензенты: В. И. Козловская, В. Н. Парфенов, А. Л. Смышляев — очень внимательно отнеслись к работе и помогли избежать отдельных неточностей. Смышляев, любезно согласившись также редактировать рукопись, сделал важные критические замечания. Дискуссии способствовали уточнению ряда положений. По некоторым пунктам оказалось невозможным полностью согласиться с мнением коллег, так что ответственность за выводы, как и возможные пробелы, безусловно, ложится на автора. О замеченных неточностях и опечатках просьба сообщать по адресу: iakovmezh@mail.ru

Август 2014 года
Я. Ю. Межерицкий

I. Мифы и реалии Августова века

I.1. *Анкирская надпись. Фрагмент оригинала*

1. *Августов век: рубеж эпох — 15*
2. *О «республике» и «империи Римского народа»: предварительные замечания о терминах — 18*
3. *Задачи и структура работы — 24*
4. *Некоторые особенности подхода к источникам — 30*
5. *Свидетельства участников, очевидцев, младших современников (проза) — 32*
6. *Произведения поэтов «Августова века» — 39*
7. *Надписи — 42*
8. *Монеты, памятники искусства и архитектуры — 46*
9. *Последующая античная традиция — 51*

I.1. Августов век: рубеж эпох

Отрезок римской истории, соответствовавший годам жизни основателя Империи (63 до н.э. — 14 н.э.) называют «веком Августа»[1]. Не только по насыщенности событиями, но главное — по глубине преобразований — ему мало равных[2]. В относительно узких временных границах завершился период Римской республики и началась эпоха Империи[3]. Качественные изменения, произошедшие тогда в обществе, характеризуются историками с помощью выразительных словосочетаний «рождение Римской империи»[4], «римская революция», «Августова революция»[5]. К этому ряду относятся также «римская культурная революция» и «золотой век римской поэзии (литературы)», которые выражают не только достижения, но и фундаментальные сдвиги

---

1 Светоний сообщает, что предложение назвать этот период *saeculum Augustum* было выдвинуто в сенате после смерти Августа. Правда, эта почесть, в числе некоторых других, была сочтена неуместной (Suet. Aug. 100.3; cf. Verg. ecl. 4. Cf.: Kirsch W. Die Augusteische Zeit. Epochenbewußtsein und Epochebegriff // Klio. Bd. 67. 1985. S. 43–55). Октавиан-Август начал играть заметную роль в римской политике после смерти Юлия Цезаря в 44 г. до н.э., в 43 г. стал триумвиром, с 31 г. до н.э. до 14 г. н.э. фактически единолично контролировал государство.

2 Некоторые из произошедших тогда событий: консулат Цицерона, завоевание Цезарем дикой Галлии, гражданские войны, диктатура Юлия Цезаря и его смерть, вновь гражданские войны, смерть Цицерона, Антония и Клеопатры. Список можно долго продолжать.

3 По установившейся ранее традиции, римскую историю принято делить на Царский период (754/3–510/9 гг. до н.э.), эпоху Республики (510/509 – 31 гг. до н.э.), эпоху Империи (с 30 г. до н.э.). Традиционно Империя подразделяется на: Раннюю (до к. II в. н.э.), или Принципат; время Кризиса III века; Позднюю Империю (IV–V вв., для Западной Римской империи раньше использовалось также определение «Доминат»). В новейшей литературе говорится об эпохе Империи (до 284 г. н.э.) и «Поздней античности» (с IV до V–VII вв.). При этом, с одной стороны, обращается внимание на отсутствие резкого разрыва между Республикой и Империей, с другой — между двумя последними периодами (см.: Bleicken J. Prinzipat und Republik. Überlegungen zum Charakter des römischen Kaisertums. Stuttgart, 1991; id. Prinzipat und Dominat. Gedanken zur Periodisierung der römischen Kaiserzeit. Wiesbaden, 1978; Christ K. Die Römische Kaiserzeit. Von Augustus bis Diokletian. München, 2011[4]. S. 7 f.). Дальнейшие разъяснения по поводу некоторых из использованных здесь обозначений будут даны в следующем разделе и далее по ходу изложения.

4 Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. Пг., 1918 (переизд.: М., 2003).

5 Syme R. The Roman revolution. Oxf., 1939. При этом споры о том, является «переход от Республики к Империи» революцией или нет, представляются нам лишенными особого смысла. Сама постановка вопроса методологически некорректна уже по причине неопределенности терминов «Республика», «Империя», «революция». Поэтому не имеют шансов на успех попытки систематизировать позиции и аргументы сторон. Сравн.: Чеканова Н. В. К проблеме перехода от Республики к Империи: революция или реформа? // Мнемон. Вып. 1. 2002. С. 163–174; ее же. Римская диктатура последнего века Республики. СПб., 2005.

в психологии и общественно-политических ориентациях, смену картины мира, преобразования в материальной и духовной жизни[6]. Все это и многое другое указывает на рубежный характер рассматриваемого времени[7].

В центре нашего внимания находятся политические и идеологические аспекты происходивших тогда перемен. В современной исторической литературе образовавшуюся форму государства именуют «принципатом». Но хотя политический режим действительно характеризовался исключительным положением «принцепса» (*princeps civitatis*, букв. — первенствующий гражданин), необходимо заметить, что во времена Августа такое определение римской государственности было неизвестно[8]. Обладая определяющим влиянием и фактической властью, принцепс признавал верховенство закона. Сохранялся ряд традиционно-римских, республиканских институтов и установлений. Потому основанный Августом режим называют иногда «монархической республикой» или «республиканской монархией».

Для заголовка данной книги выбрано то обозначение учрежденного Августом порядка, которые встречается в памятниках рассматриваемого времени — «восстановленная республика» (*res publica restituta*). Как будет показано далее, оно отвечало представлениям римских граждан и замыслу Августа.

«Восстановление республики» было попыткой политического и социального урегулирования на основе возрождения нравственных и религиозных устоев, «обычаев предков». Социальные конфликты и войны едва не разрушили Римское государство. Сами римляне осмысливали происходившее в терминах концепции «упадка нравов»[9]. Лозунг «восстановления республики» (*res publica restituta*) соответствовал психологическим установкам, системе жизненных ценностей гражданского населения Империи. Миф, порож-

---

[6] См.: Wallace-Hadrill A. Rome's cultural revolution // JRS. Vol. 79. 1989. P. 157–164; Habinek T., Schiesaro A. (eds.). The Roman cultural revolution. Cambr., 1997; Millar F. Rome, the Greek world, and the East. Vol. I. Roman republic and the Augustan revolution. L., 2002. Part III. The Augustan revolution. P. 240–376 (политический аспект); Wallace-Hadrill A. Rome's cultural revolution. Cambr. etc., 2008; 2010[2] (with corr.). Понятия «золотая латынь», «золотой век римской литературы», «золотой век римской поэзии» широко распространены. В обозначении хронологических рамок встречаются довольно значительные разночтения, но центральный отрезок, как правило, совпадает с правлением Августа. См., напр.: Малеин А. И. «Золотой век» римской литературы (эпоха Августа). Пг., 1923; Штаерман Е. М. Принципат Августа // История Европы. Т. 1. Древняя Европа. Отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1988. С. 549 («…ко времени Августа относится "золотой век римской культуры"»).

[7] В современной литературе историческая роль Августа оценивается очень высоко. К примеру, Дж. Ричардсон, отмечая, что Римская империя была бы иной, если бы Август умер в 23 г. до н.э., констатирует: «Его успехи и неудачи, предопределившие историю Рима на следующие два столетия, были результатом долгой жизни и несомненно сделали его главной фигурой в истории Европы» (Richardson J. S. Augustan Rome 44 B.C. to A.D. 14. The restoration of the republic and the establishment of the empire. Edinburgh, 2012. P. 240). О сравнительно новом понятии «порог Августа» в политологии см. раздел II.6. с примеч. 245.

[8] Эти и некоторые другие обозначения являются изобретениями ученых нового времени. Они общеприняты, но не бесспорны. О *princeps, principatus* и «принципате» см. разделы V.1 и X.7, а также по указателю терминов.

[9] Сравн.: Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима III–I вв. до н.э. М., 1977. С. 158–181 (глава «Теория упадка нравов и идея нравственной реформы»). См. разделы VI.1 и 5.

дённый историческим опытом народа, был затребован действительностью, стал её составным элементом, порождая в свою очередь новую реальность.

После длившихся столетие гражданских смут и войн (133–31 гг. до н.э.) вернулся мир. Изменения коснулись не только Города (для своих граждан Рим был Городом с заглавной буквы — *Urbs*). Важным по своим историческим последствиям было то, что Рим и завоеванные страны и регионы начали объединяться в Империю. Она стала плавильным котлом этносов, языков, религий. Через несколько столетий на части этих территорий сформировались народы и образовались страны, определившие облик новой Европы[10].

Римская империя времени Августа включала десятки стран и сотни народов с населением примерно 60 млн. человек. Гражданский мир, безопасные удобные пути сообщения обеспечили невиданные ранее возможности развития. В границах единого государства при наличии унифицированной денежной системы и в условиях правовой защищенности свободно перемещались люди и товары, технические достижения, религиозные культы. Беспрепятственно рождались, влияли друг на друга и распространялись философские идеи и религиозные верования. Христианство как «мировая религия» было одним из продуктов этого процесса[11]. В итоге вся совокупность кардинальных изменений образовала некий водораздел времен, от которого стали отсчитываться не просто безликие цифры «нашей эры», но также история современной европейской цивилизации[12].

---

10 Общая характеристика эпохи: Штаерман Е. М. Ук. соч. С. 539–558; Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л., 1990; Смышляев А. Л. Рим: эпоха Принципата // Всемирная история. Т. 1. Древний мир. Отв. ред. В. А. Головина и др. М., 2011. С. 603–639; История Древнего мира. Под ред. В. И. Кузищина. М., 2000 (Рим); Немировский А. И. История древнего мира: Античность. М., 2007[2]. С. 605 слл.; Холланд Р. Октавиан Август — крестный отец Европы. М., 2010. С. 338–348. О месте Августа в истории: Heuß A. Römische Geschichte. Padeborn etc., 1998[6]. S. 272 ff. und 582 ff.; Bleicken J. Augustus. Reinbek, 2010. S. 678 ff.; Hoff R., Stroh W., Zimmermann M. Divus Augustus. Der erste römische Kaiser und seine Welt. München, 2014.

11 Об образовании Римской империи как предпосылке возникновения христианства см.: Свенцицкая И. С. Раннее христианство: страницы истории. М., 1987. С. 11–23; ее же. Первые христиане и Римская империя. М., 2003. С. 6–27. Следует иметь в виду, что точная датировка и синхронизация событий истории раннего христианства затруднительна. Так, Ирод умер в 4 г. до н.э., в то время как ценз по указанию Августа проводился в 6/7 гг. н.э. (сравн.: Luc. II.1). На эти несоответствия указал уже более века тому Эмиль Шюрер: Schürer E. Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. 2 Bd. 1886–1890; 2-е изд. в 3-х томах, 1901–1902; цит. по англ. переводу: The history of the Jewish people in the age of Jesus Christ (175 B.C. – A.D. 135). Vol. I. Edinburgh, 1973. P. 399 ff. В современной литературе рождение Иисуса датируется временем между 12 и 4 гг. до н.э. Но независимо от точной датировки миф об Августе как важном участнике важнейшего события в мировой истории (его правление подготовило приход Христа) прочно укоренился в христианской традиции. См., напр.: Holland R. Augustus: godfather of Europe. Stroud, 2005; Dahlheim W. Augustus. Aufrührer — Herrscher — Heiland. München, 2010 (2013[2]). S. 370–384; Richardson J. S. Augustan Rome 44 B.C. to A.D. 14. The restoration… P. 1 ff.

12 М. Грант утверждал, что Август «был центральной фигурой центрального периода мирового развития» (Grant M. Roman history from coins. Cambr., 1958. P. 18). См. также специально посвященную всемирно-историческому месту Августа статью: Stockson D.L. Augustus sub specie aeternitatis // Thought. Vol. 55, N 216. 1980. P. 5–17. Весь этот номер журнала "Thought" был посвящен двухсотлетнему юбилею труда Э. Гиббона и двухтысячелетнему — со времени Августова «урегулирования» 23 г. до н.э.

Данная книга — не биография, но главное действующее лицо уже названо. В анналы истории основатель нового Римского государства вошел как Август. Он известен и под другими именами, которые в определенной мере характеризуют как его статус, так и общую ситуацию в Риме на тот или иной момент.

В 63 г. до н.э. родился Гай Октавий[13]. После посмертного усыновления диктатором Юлием Цезарем в 44 г. его имя стало Гай Юлий Цезарь Октавиан (*Caius Iulius Caesar Octavianus*). В начале 27 г. до н.э. сенат даровал Октавиану имя «Август». Во 2 г. до н.э. ему преподнесли почетный титул «Отец отечества», так что официальное краткое имя вплоть до смерти в 14 году н.э. было: Император Цезарь Август, сын божественного (Юлия), Отец отечества (*Imperator Caesar Augustus divi filius pater patriae*)[14].

Здесь чаще всего будет употребляться имя Август. Октавиан (иногда: юный Цезарь)[15] используется, когда речь идет о событиях середины 44–27 гг. до н.э. Оба имени объединяются, когда требуется подчеркнуть, что имеется в виду политическая карьера как до, так и после 27 г. до н.э. В Древнем Риме «Октавиан-Август» не применялось, дефис подчеркивает, что соединение условное (аналогия: «династия Юлиев-Клавдиев»)[16].

I.2. О «республике» и «империи Римского народа»: предварительные замечания о терминах

Одним из обстоятельств, затрудняющих исследование и описание римского общества и государства является то, что многие термины в современных европейских языках далеко ушли по своим значениям от своих латинских кор-

---

13 Отец будущего императора, также Гай Октавий, стал первым сенатором во всадническом роде. Он умер, достигнув ранга претория, когда сыну было 4 года. Октавии происходили из городка Велитры (совр. Velletri) примерно в 30 км к юго-востоку от Рима. Там, в усадьбе деда или в Риме, 23 сентября 63 г. до н.э. родился будущий император. Светоний называет имя при рождении: Гай Октавий Фурин / *Caius Octavius Thurinus,* Кассий Дион — Гай Октавий Кайпий / *Gaius Octavius Kaipias* (Suet. Aug. 1–7; Dio XLV.1.1; cf.: Kienast D. Augustus. Darmstadt, 2009. S. 1 ff.).

14 Типичное употребление имени Августа в надписи: *Imperator Caesar divi f. Augustus, pontifex maximus, cos. XIII, tribunicia potestate XXXII, imp. XXVI, pater patriae* (ILS 104). См.: Егоров А. Б. Проблемы титулатуры римских императоров // ВДИ. 1988. № 2. С. 161–172, здесь 165 сл. Значения имен и титулов будут уточняться в ходе дальнейшего изложения, в частности, см. разделы IV.9, V.1, VI.3 и VII.4.

15 Чтобы отличать от покойного Юлия Цезаря. Сам он предпочитал просто «Цезарь», никогда не употребляя «Октавиан».

16 Ещё одно заслуживающее внимания, хотя не безупречное по содержанию толкование: «С одной стороны, триумвир Октавиан — это тот, кто представляет собой заключительный пункт республиканской истории; с другой, принцепсу Августу удалось надолго основать в Риме монархию» (Sion-Jenkis K. Von der Republik zum Prinzipat: Ursachen für den Verfassungswechsel in Rom im historischen Denken der Antike. Stuttgart, 2000. S.158 (раздел III.3 назван "Octavian-Augustus"). На наш взгляд, понятия «принцепс» и «монархия» применительно ко времени Августа относятся к различным сферам: первое — к Риму и Италии, второе — к «империи Римского народа». Их смешение ведет к путанице.

ней[17]. Разумеется, расхождения обязаны прежде всего различиям обществ. Для того, чтобы выяснить специфику понятия *res publica,* следует изначально быть готовым к некоторым мыслительным «неудобствам». А именно, к несовпадению смыслов при передаче римских реалий современными государственно-правовыми понятиями[18].

Технически в данном тексте указанные особенности выражаются посредством оригинальных латинских слов. При их передаче с помощью кириллицы используются кавычки. Особенности выражаются также заглавными или строчными буквами. Тем самым подчеркивается, что, скажем, «республика» (*res publica*) — это не совсем то, и даже нечто вовсе иное, чем республика (будь то Французская, Чешская или Российская Федерация), а слово «император» в период Римской республики имело иное значение, чем в эпоху Империи или в титуле «Император и самодержец Всероссийский». То же относится к производным словам и понятиям: «республиканский», «имперский» и «императорский», «империя» и «Империя», как и многим другим. Подобные нюансы будут ещё проясняться в контексте, иначе их истолкование потребовало бы введения, которое невозможно преодолеть, а соответственно, добраться до основной темы.

Ключевым является понятие *"res publica"*. В современном государственно-правовом словаре республикой называется форма правления, в которой высшие органы государственной власти либо избираются, либо формируются общенациональными представительными учреждениями. В этом смысле республика противопоставляется монархии. Данное значение стало употребительным со времени образования Первой французской республи-

---

17 Разъяснения предваряют содержание некоторых последующих разделов. Оправданием пусть послужит замечание Цицерона, вложенное в уста Сципиона Эмилиана: «Я исполню ваше желание, как сумею, и приступлю к рассуждению, руководясь правилом, которым, полагаю, следует руководствоваться при обсуждении всех предметов, если хотят избегнуть ошибки: если насчет названия предмета исследования все согласны, то надо разъяснить, что именно обозначают этим названием; если насчет этого тоже согласятся, то только тогда будет дозволено приступить к беседе; ибо никогда нельзя понять свойства обсуждаемого предмета, если сначала не уяснить, что он собой представляет. Поэтому, так как мы изучаем вопрос о «республике» (ориг.: *de re publica quaerimus*), рассмотрим сперва, что собой представляет именно то, что мы исследуем» (Cic. rep. I. 38, мы следуем переводу В. О. Горенштейна, кроме передачи *res publica* как «государство» и других небольших корректур).

18 В дополнение к фундаментальным работам по семиотике полезна работа Виктора Клемперера «LTI. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога». (М., 1998, ориг.: Klemperer V. LTI. Notizbuch eines Philologen. Berlin, 1947). Важнейшие работы, посвящённые политической лексике рассматриваемого периода: Béranger J. Recherches sur l'aspect idéologique de principat. Basel, 1953 (классическая работа, анализирующая политическую лексику принципата); Suerbaum W. Vom antiken zum frühmittelalterlichen Staatsbegriff: über Verwendung und Bedeutung von Res publica, Regnum, Imperium und Status von Cicero bis Jordanis. 1977[2]. Bes. S. 1–70 ff. etc. Вопрос о значении тех или иных латинских терминов в соотношении с современными привлекает заслуженное внимание исследователей. Для проверки наших трактовок оказались важны работы: Pabst A. Comitia imperii: Ideelle Grundlagen des römischen Kaisertums. Darmstadt, 1997; Richardson J. The language of empire: Rome and the idea of empire from the third century B.C. to the second century A.D. Cambr. 2008; Wilkinson S. Republicanism during the early Roman empire. L., 2012 etc.

ки (1792). Принцип «представительства» был ранее сформулирован Никколо Макиавелли (нач. XVI века) на основе опыта городов-государств современной ему Италии. Но в Древнем Риме он не рассматривался как условие существования «республики»[19]. Это еще раз говорит о том, что слово *res publica* имело иное значение.

Цицерон понимал ее как политическую организацию общества, которая служит совместным интересам граждан. Согласно одному из самых важных определений, данных этим автором, *"est... res publica res populi"* («республика» — достояние, или сфера интересов народа)[20]. Для большинства римлян последнего века Республики *res publica* была ценностным понятием, ассоциировавшимся с приоритетом интересов гражданского коллектива над чьими бы то ни было личными, с верховенством традиции и закона, со «свободой», связанной с функционированием народных собраний, сената и магистратур. При этом не исключалась, а в чрезвычайных обстоятельствах предполагалась особая роль выдающейся личности (вплоть до «царя» древнего образца) как защитника и выразителя интересов «республики».

Широко употребимо также определение «Римская республика» — для конкретного государства, которое существовало почти пять веков (509–31 гг. до н.э.). Но и это — конструкт современной историографии. Официально государство римлян всегда именовалось *senatus populusque Romanus* («сенат и Римский народ»). Судя по всему, слова для понятия «государство вообще» вплоть до времени Августа (и даже несколько позднее) у римлян не было[21]. В эпоху Империи для обозначения государственности эпохи Республики использовали выражение *libera res publica.*

В дальнейшем изложении три основных значения, как правило, довольно ясно различаются по контексту. Во избежание путаницы автор придерживается следующих правил: при использовании в современном государственно-правовом смысле пишется просто республика (без кавычек). Таким же образом употребляется это слово, когда имеются в виду два и более значений. Республика (или: Римская республика) с заглавной буквы обозначает государство и конкретный период римской истории (510–31 гг. до н.э.)[22]. Наконец, для обозначения фундаментального римского понятия используется оригинальное латинское обозначение *res publica* или кириллицей — «республика» в кавычках (см. раздел IV.5).

---

19 См.: Everdell W. R. The end of kings. A history of republics and republicans. N.Y.; L., 1983. P. 2 f.

20 Cic. rep. I. 39. О *res publica* см. далее, особенно раздел IV.4 сл.

21 Само наличие государства у римлян, особенно в ранний период, не столь уж бесспорно. См. раздел II.5 с примеч. 203.

22 Иногда используется употребительное в литературе обозначение «Римская республика до 49 года до н.э.» (= «Республика до Рубикона»), то есть, до периода единовластия Цезаря, который начал решительно разрушать традиционные институты.

«Конституцией» здесь называется не какой-то особый документ, вроде «Основного закона» современных государств. Под римской конституцией понимается: (1) предусмотренное совокупностью принятых норм государственное устройство /*rei publicae status*/; (2) сами эти регулирующие государственную жизнь законы и нормы, записанные и неписаные; (3) то и другое вместе взятое, на том или ином этапе эволюции римской государственности[23].

В Риме не было и «правительства» в современном понимании. В эпоху Республики политическое и текущее руководство осуществляли сенат и выборные магистраты. Для времени Ранней Империи слово «правительство» применяется главным образом для обозначения неформальной группы людей, которые были уполномочены принимать решения на государственном уровне, прежде всего император и некоторые из «друзей» (доверенные лица, советники, помощники). Среди них могли быть сенаторы, всадники, но аппарат составляли также доверенные вольноотпущенники и рабы (они назывались *ministri*).

О правлении Августа в данном тексте иногда говорится как о «режиме» (фр. — régime). Слово употребляется как синоним определений «государственный строй», «образ правления», «форма правления» без характерных для современной политологии отрицательных коннотаций. Мы предпочитаем этот термин тогда, когда желательно подчеркнуть неустоявшийся, конституционно незакрепленный характер правления.

Выражение «режим (государство, держава) Августа» в большинстве случаев позволяет также избегать употребления распространенного термина «принципат Августа». Как будет показано в дальнейшем, это искусственное понятие (частично) отражает особенности римской «республиканской» государственности только в Риме и Италии (см. разделы V.1 слл.). В отношении к провинциям с самого начала складывался иной образ правления. Он был отчасти результатом завоеваний, отчасти — продолжением местных, преимущественно эллинистическо-монархических традиций. Далее в работе обозначение «принципат» употребляется (в кавычках и без них), лишь поскольку оно принято в литературе. В последней, X главе представляется возможным обосновать недостаточность этого термина для определения новой государственности — Империи.

Вдумчивого обращения требует термин «империя». Об исходном понятии *imperium* будет сказано в разделах X.5 слл. В современном русском, как и во многих европейских языках, он имеет два основных значения: 1) Структура,

---

23 Полезный обзор с указаниями на лит.: Дементьева В. В. «Римская конституция»: проблема правовой и исторической корректности понятия // Forum Romanum. Доклады III международной конференции «Римское частное публичное право… / Отв. ред. В. В. Дементьева. Ярославль; Москва, 2003. С. 18–26.

охватывающая обширные владения (например, промышленная, финансовая империя). В данном контексте важно обозначение словом «империя» крупного государства, объединяющего обширные территории, множество этносов. Подразумевается важная роль военного насилия и отношения господства–подчинения центра и провинций. Культурный обмен, постепенное выравнивание и синтез наиболее вероятны, если в положении политически подчиненных оказываются более развитые народы. В этом случае может возникнуть территориальная империя. Для таковой характерен нивелирующий подход к входящим в нее народам и территориям. 2) Первое значение с дополнительным смыслом — монархия, то есть, империя во главе с единоличным правителем — императором (монархом во главе империи)[24]. В авторском тексте данной книги слово «империя» во втором смысле не используется.

Когда в современной исторической литературе используются выражения «Римская империя» («Империя»), «Ранняя Империя», «Поздняя Империя»[25], имеется в виду Римское государство определенного времени и соответствующие исторические периоды (эпохи). Поскольку Римская империя в период правления Августа начала формироваться как единое государство, то он часто именуется в данной книге «основателем Империи» («Римской империи», а не «империи Римского народа»). Лишь позднее слово «империя», помимо географического, приобретает также государственно-правовое (монархическое) значение.

Так же полисемично слово «император». Если в эпоху Республики это было отличие победоносного полководца, то в эпоху Римской империи оно превратилось в титул правителя, подчеркивавший военный и «имперский» компоненты власти. Императором в этом смысле, от Августа и до нового времени, мог именоваться единоличный правитель, претендовавший на господство без границ, то есть над всем «кругом земель» (*orbis terrarum,* нечто вроде «Поднебесной» в китайской традиции). В российской истории, и соответственно, в языковой традиции, это слово также многозначно. Для

---

24 В некоторых языках проводить это различие между двумя значениями легче, чем в русском, поскольку его можно обозначить словами, образованными от разных корней. Напр., в английском: empire, но — kingdom (империя, но королевство); в немецком: Reich — территориальная держава, крупное владение (империя в первом значении); Kaisertum — монархическая власть (второе значение); Kaiserreich — империя (1), управляемая монархом (может объединять оба значения слова «империя»); Königreich (королевство, царство) — в основном моноэтническое государство во главе с монархом — королем или царем. Это самое схематичное разъяснение, имеется множество других оттенков значений. См. раздел II.6 с примеч. 236 и X.5 сл. (особенно о понятии *imperium*).

25 В современной литературе употребляются обозначения «Римская империя» (для времени 30/27 гг. до н.э. — 284 г. н.э.) и «Поздняя античность» (после 284 г.). См. примеч. 3. В этой книге мы используем «Ранняя Империя» для обозначения эпохи (I–II вв. н.э.), но не государственного строя. По существу, это сокращение от «Ранняя Римская империя» (то есть имеется в виду не империя вообще, а период истории конкретного государства, под «Империей» имеется в виду «Римская империя»), а потому оба слова должны начинаться с заглавной буквы. То же относится, например, к «Поздней Республике» и т. п. Эти детали важны для общей логики изложения.

обозначения единоличной власти употребляют также слово «царь», которое не используется по отношению к римским реалиям эпохи Империи (хотя применяется ко всем другим, например, древневосточным или даже к раннеримским «царям»). В рассматриваемом контексте оно могло бы оказаться полезным, когда необходимо подчеркнуть монархический, но не территориальный аспект власти. Употребление слова «царь» было бы тем более оправдано, что оно происходит от Caesar (греч.: *"Kaisar"* — «кесарь» — «цесарь» — «царь») — имени, превратившегося со времени Августа в один из важнейших титулов носителей власти[26]. Но в данном случае нет особой необходимости нарушать традицию, тем более, что русское «царь» (лат.: *rex*) включает коннотации, которые не соответствуют специфике эпохи. Также следует учитывать ограниченную применимость термина «монарх» (соответственно и «монархия») по отношению к римским правителям времени Ранней Империи. Тогда не существовало твердого порядка престолонаследия, принцепс считался гражданином — «первым среди равных». Поэтому при характеристике исключительного влияния Августа предпочтение будет по возможности отдаваться таким неспецифическим обозначениям, как «единоличный правитель», «единоличное правление» или «монократия». Это не мешает рассмотрению монархических элементов власти или тенденций развития. Разумеется, слово «монархия» сохраняется при цитировании других авторов.

Нельзя сводить суть проблемы к семантике отдельных слов. Минимальные разъяснения сделаны во избежание путаницы. Далее этим и некоторым другим терминам будет уделено внимание по мере их употребления в различных ситуациях и контекстах. Необходимость предварительных комментариев диктуется особенностью темы и соответствующего ей подхода к материалу. «Век Августа» является переходным временем, когда менялись не только видимые (например, римские форумы), но и ускользающие от поверхностного наблюдения ментальные структуры. Нет ничего удивительного в том, что нам, спустя две тысячи лет, нелегко открыть истинный смысл многих примет Августова века. В ту эпоху быстрых изменений даже современники, принадлежавшие к разным социальным группам, или к различным, пусть даже следующим друг за другом поколениям, часто неадекватно понимали события, произошедшие всего лишь десятки лет тому назад. Примером может служить Тацит, который осознавал наличие этой проблемы, но сам (что совсем не удивительно) оценивал эпоху Августа сквозь призму своего времени (см. раздел IX.3).

---

26 Подлинное латинское произношение Caesar устанавливается по аналогии с греч. [*kaisar*], сравн. нем.: Kaiser. Ему соответствует русское «царь», а не «император». О концепции «Москва — третий Рим» см. раздел II.2 с примеч. 39.

Поскольку речь идет о терминах, попутно поясним и употребление некоторых относительно новых, избежать которых нам вряд ли удастся. «Идеология» — слово, набившее оскомину на всех языках, присутствуя также в бытовой, политической и научной лексике. Имеется немало определений, которые здесь незачем ни оценивать, ни улучшать[27]. В данном тексте оно используется без пейоративной нагрузки. Под идеологией имеется в виду комплекс, система идей, замысел, лежащие в основе политики. Под «программой» понимается в той или иной мере продуманный комплекс мероприятий (например, социальная программа правительства). В обоих значениях (идеология и программа вместе или по отдельности) может употребляться «проект». Целенаправленная деятельность по распространению идей именуется пропагандой.

I.3. Задачи и структура работы

Особый интерес к веку Августа обусловлен осознанием того, что происходившее тогда надолго определило судьбы Рима и значительной части мира. Действительно, без ясного представления об этом времени невозможно понять смысл многих событий, по крайней мере, в последующие десятилетия. Примерно таким же образом нельзя рассчитать статику строения, если не знать, что заложено в фундамент и как устроен несущий каркас. В ходе поиска открывались новые аспекты основной проблемы. Множились и уточнялись задачи.

В конечном счете необходимо определить макроструктуру и характер римской государственности периода Ранней Империи. В литературе можно встретить довольно широкий спектр характеристик основанного Августом государственного строя: от республики до монархии и военной диктатуры. Немало добросовестных исследователей приходили к выводу о невозможности дать определение в современных государственно-правовых или политологических терминах. И тогда в заключение того или иного капитального труда констатировались «противоречивость» и «парадоксальность».

Но правительство Августа эта «противоречивость», похоже, не беспокоила. Возникает вопрос: не следует ли искать ее источник в головах историков. В той реальной логике, по которой в действительности совсем неплохо функционировала основанная Августом государственная система, «парадоксальность» не обнаруживается. Что касается противоречий, то их достает в любом обществе.

---

[27] Т. Иглтон перечисляет 16 различных определений термина «идеология». См.: Eagleton T. Ideology. An introduction. Verso, 1991. P. 1 ff. Cf.: Davis P. J. Ovid and Augustus. L., 2006. P. 23 f.

Чтобы объяснить, как государство справлялось со своими задачами, следует реконструировать его устройство. Это невозможно сделать без понимания идеологии и замысла проекта, без изучения его генезиса. Рассмотрение этих аспектов обнаружило всю сложность задач, стоявших перед теми, кто пытался вылечить (реформировать) Римское государство в период смуты и гражданских войн. Приходило понимание того, почему это не удалось таким незаурядным людям, как Гракхи и Сулла, Цицерон и Помпей, — и даже Юлию Цезарю.

Это получилось у Августа, и потому так важно расшифровать секрет его успеха. Совершённые в огромных масштабах преобразования не могли оказаться лишь случайным результатом применения метода проб и ошибок. Поиски плана, которым мог руководствоваться основатель нового государственного строя, привели к пониманию важности идеи «восстановления республики». Для раскрытия ее смысла пришлось обратиться к содержанию важнейшего понятия римской политической мысли — *res publica*. Опорой служит словоупотребление Цицерона.

Истоки всего комплекса «восстановительной» идеологии и политики Августа опирались в конечном счете на все еще жизненную идеологию римской гражданской общины. Ее носителями были широкие слои римско-италийского населения, особое место занимала интеллектуальная элита. Представители наиболее влиятельного умственного течения видели выход из кризиса в возрождении «нравов предков». В то же время немалое влияние приобретала греческая политическая философия.

В какой мере сам Август был знаком с указанными идеями? В этом пункте биография соприкасается с такими фундаментальными проблемами, как соотношение стихийных и сознательных, объективных и субъективных факторов, наконец — с вопросом о роли личности в истории. Речь должна идти об образе мыслей и соответственно, — об уровне притязаний основателя нового режима. Возникает необходимость познакомиться с факторами, повлиявшими на его мировоззрение, с сохранившимися текстами Августа, сопоставить это с политической практикой.

В работе показано, что политика «восстановления республики» отвечала римской реставраторской идеологии, в то время как проект создания «наилучшего государства» лежал в русле греческой политической мысли. Их неразрывная связь — один из результатов совершавшейся тогда культурной революции.

Необходимо рассмотреть, как «восстановление республики» осуществлялось в разных областях общественной жизни: от регулирования властных отношений — до политики в области культуры. Метаморфозы, происходившие в общественном сознании, отразились также в литературе своего

времени. Только выясняя, как менялось отношение к новому режиму, можно понять его эволюцию.

Понятие «смешанная конституция» (элементом которой был «принципат») характеризовало государственное устройство в рамках гражданской общины, то есть, в основном в Риме и Италии. Чтобы определить место «восстановленной республики» в средиземноморской державе в целом, необходимо выяснить, как соотносилась Италия с провинциями, которые считались владениями Римского народа.

Так, шаг за шагом, решались основные задачи работы: раскрыть замысел преобразований и определить сущность заново устроенного Римского государства. Августу удалось отрегулировать разнородные элементы державы так, чтобы они перестали противостоять друг другу. Каждому Август находил свою «полочку», точнее — место в сложнейшей системе огромной империи. Если увидеть эту менявшуюся диалектику согласуемого правительством взаимодействия общины и империи, смешанной конституции и монократии, то для парадоксов, возможно, не останется места.

Речь идет об алгоритме, который лежал в основе политики и государственной деятельности Августа. Разумеется, планы Августа не могли полностью воплотиться в практику, основанная им государственная система была далеко не совершенной, а нашу попытку реконструкции следует рассматривать как гипотезу.

Необходимо сделать еще несколько замечаний, касающихся особенностей изложения и трактовок происходившего. Приписывание тех или иных достижений (как и ошибок) конкретному историческому лицу в значительной мере является персонификацией определенных исторических процессов. В какой-то мере это происходит уже по соображениям экономности и стиля. Когда мы говорим «Август», часто имеется в виду круг единомышленников, советников, «друзей» и многих других, кто принимал участие в обдумывании, выработке и проведении политики. Кроме того, «политика Августа» была результатом сознательного, и не только, учета умонастроений значимых социальных групп. Реконструировать соотношение всех находившихся в сцеплении факторов невозможно.

Невозможно отрицать роль отдельных выдающихся деятелей. Но специфика Ранней империи задавалась политической ситуацией, сложившейся в Италии и Средиземноморье в целом. Не меньшую роль играли процессы в умонастроениях и системе жизненных ценностей, психологии и общественной мысли. Они объединяются понятием «менталитет». В дальнейшем рассмотрении, учитывая названные аспекты, термин «менталитет» используется для недифференцированного обозначения совокупности ценностных, культурно-исторических и социально-политических установок (ори-

ентаций) определенной социальной общности. Примерно в этом же смысле употребляется и выражение «ментальная среда». Сравнимое содержание вкладывается в слово «ментальность», но уже в применении к индивиду (см. также раздел IV.2 с примеч. 20). Метаморфозы идеи «республики» в течение активной политической жизни Августа во многом определяли те рамки, в которых он считал возможным и необходимым направлять политику и осуществлять государственное строительство, а также оформлять свои влияние и власть.

Исходя из описанного подхода, рассмотрение событий и личностей, включая Августа, не является самостоятельной целью. В какой-то мере это позволяет высвободить место для главного. События освещаются лишь в той мере и так, как это требуется для проникновения в мир чувств, мыслей, политических идей и решений[28]. Ту же цель мы будем преследовать, заглядывая в соседние области: социальные отношения, право и религию, философию и мораль, искусство и литературу и другие.

Изложенные соображения обусловили структуру книги. Многоплановость и многослойность содержания потребовали расчленения тем, на самом деле взаимосвязанных. Главы, как и некоторые небольшие разделы, можно читать как отдельные очерки. При необходимости им предпосланы краткие введения в проблематику исследований. К освещению некоторых проблем автор возвращается под разными углами зрения. Перекрестные ссылки предоставляют дополнительные возможности увидеть важные связи. Отбор материала диктуется логикой рассмотрения и в то же время необходимостью дать достаточно убедительные ответы на поставленные вопросы. Хочется надеяться, что исключение некоторых важных аспектов не нанесло существенного ущерба рассмотрению центральной проблемы[29].

---

[28] Для сравнения: в фундаментальной монографии Н. А. Машкина («Принципат Августа») из 606 страниц текста примерно 250 посвящены предшествовавшим собственно принципату событиям, в основном связанным с деятельностью Юлия Цезаря и гражданскими войнами после его смерти. В остающейся до сего дня самой подробной биографии В. Гартгаузена (Gardthausen V. Augustus und seine Zeit. 3 Teile in 6 Bd. Leipzig, 1891–1904) событиям после установления единовластия Августа уделены 2/3 объёма, хотя даже чисто хронологически, не говоря уже об исторической значимости, эти 45 лет составляют ¾ его политической карьеры. Ещё большую часть занимает предыстория «принципата» в объёмной биографии Й. Бляйкена (Bleicken J. Augustus): почти половину. В какой-то мере это обусловлено состоянием источников. Кассий Дион посвятил 17 годам между убийством Цезаря и установлением принципата (44–27 гг. до н.э.) девять книг, а 41 году после (до 14 г. н.э.) — только четыре книги. Хорошая изученность темы, и особенно предыстории принципата Августа, в какой-то мере освобождает нас от подробного изложения соответствующего фактического материала. Как сказал Мишель Фуко, «уже наступили те времена, когда историки могут позволить себе раскрывать, описывать, анализировать структуры, не заботясь о том, не упускают ли они при этом живую, нежную и трепетную историю» (Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С. 13 сл.).

[29] Разумеется, более подробный анализ литературы Августова века, особенно отраженных в ней политических настроений, мог бы лишь обогатить предпринятую реконструкцию интеллектуальной жизни. Успешные завоевания были очень важным элементом укрепления авторитета, популярности и власти императора. Но эта тематика хорошо изучена, и мы сочли возможным ограничиться ссылками.

Предполагается, что у читателя сложится многомерная картина, дающая представление о характере Римского государства времени Августа.

Две начальные главы выполняют функцию введения и поясняют особенности методологии. Первая глава завершается кратким обзором источников. Принципиальное значение имеет их деление по времени создания и, соответственно, по отраженным ментальностям. Во второй главе место традиционной историографии занимает своего рода панорама идей. Содержащаяся там полемика поможет читателю познакомиться с проблематикой и состоянием исследований.

Две последующие главы посвящены генезису идеологии «восстановленной республики». В III главе, на фоне событий, последовавших за убийством Юлия Цезаря, показаны идеи и настроения, которые в конечном счете определили исход гражданской войны и характер нового государственного устройства. Краткий очерк становления Римской государственности в связи с историей гражданской общины необходим для понимания «республиканской» политической традиции. Политические платформы Цезаря, Цицерона и Антония сквозь призму событий предстают как конкурирующие варианты выхода из кризиса.

В IV главе разъясняется, что *res publica* обозначала тогда не форму государства, а прежде всего принцип организации гражданской общины, заключавшийся в приоритете совместных интересов ее членов. «Республикой» также признавалось государство, в котором этот принцип соблюдался. Идеи «республики» и необходимости ее возрождения сохраняли свою жизненность во времена гражданских катаклизмов. Но для их воплощения в реальную политику требовалась незаурядная личность. Ставится вопрос о том, был ли Август человеком такого масштаба. Предпринятая реконструкция его «интеллектуальной биографии» позволяет также подойти к ответу на вопрос о роли идей в создании новой римской государственности.

В V главе режим Августа рассматривается как сложная эволюционирующая система. Авторская концепция разъясняется на основе таких ключевых категорий, как «восстановленная республика» и «наилучшая форма государства». Показано, что «принципат» был одним из элементов «смешанной конституции». Также указана роль институтов, которые не входили в число государственно-правовых, в первую очередь, клиентелы. Особое внимание уделено взимодействию различных элементов нового режима в пределах римской гражданской общины.

Последующие главы посвящены рассмотрению отдельных аспектов идеологии Августова режима. Реставрационная составляющая особенно очевидна в мероприятиях по возрождению древней религии, старинных нравов и семьи (глава VI). Здесь раскрывается тесная связь политики Августа

с основами римского мировоззрения. Даже нововведения вписывались в идеологию восстановления «нравов предков».

Далее Август представлен в тех сферах, в которых он до наших дней считается непревзойденным. Их называют по-разному: пропаганда, наглядная агитация, презентация или общение с подданными. Первые разделы главы VII посвящены тому, как правительство пыталось представить себя и режим согражданам и подданным. Здесь разъясняются предварительно вводившиеся понятия: *res publica, libertas, princeps, auctoritas, virtus, imperator, pater patriae* и некоторые другие. В качестве важнейшего документа, непосредственно отразившего политическое мировоззрение Августа и идеологию его правления, анализируется "Res gestae divi Augusti". Также рассматриваются идеологические и политические аспекты изображений императора, в том числе скульптурные портреты и монетные чеканы.

В VIII главе речь идет о деятельности Августа и его сподвижников, направленной на благоустройство и украшение столицы империи. Она имела как утилитарные, так и политические цели. Принято говорить о строительной политике и монументальной пропаганде. Здесь, как и в других сферах, прослеживается эволюция идеологии режима. Если мавзолей, задуманный в контексте борьбы с Антонием, превратился в памятник династии, то одной из задач форума Августа было вписать принцепса в череду славных мужей Республики — творцов римского величия.

В IX главе предпринята попытка выявить отношение современников к происходившим переменам и к самому принцепсу. Ставится вопрос, когда в общество пришло осознание совершенного политического переворота. Важным критерием является время появления «республиканской» оппозиции режима. Первые симптомы ее зарождения появились на заключительном этапе правления Августа, однозначные свидетельства относятся к последней трети правления Тиберия.

В главе X подводятся итоги исследования. Автор пытается еще раз определить сущность основанного Августом нового Римского государства. Анализируется соотношение важнейших понятий. Обозначены этапы развития режима. Специфическая ситуация в Риме и Италии увязывается с положением в державе в целом. Показано, что трудности в подыскании дефиниции для государственного строя, установившегося при Августе, заключаются прежде всего в том, что исследователям приходится иметь дело с разнородным образованием. Тогда только началось слияние двух важнейших структур: «Римского народа» и его «империи». Контролируемые одним человеком, они начали интегрироваться в единое целое — Римскую империю. В заключении (XI) резюмируются важнейшие выводы.

В приложении помещены хронологическая таблица, указатели имен, географических названий, терминов. Постраничные примечания ограничиваются указаниями на важнейшие источники и литературу по узловым проблемам. Более подробными ссылками подкрепляются положения, которые являются нетрадиционными или спорными. При первом (или единственном) упоминании указаны основные выходные данные. При повторных ссылках они сокращены. Подробные библиографические данные содержатся в разделе «Избранная библиография». Оглавления, картосхемы должны помочь ориентированию в материале. Иллюстративный материал (в основном фотографии памятников) дополнит представление об эпохе.

I.4. Некоторые особенности подхода к источникам

Состав имеющихся источников определяется, с одной стороны, «продук-тивностью» изучаемой эпохи, и в этом отношении интересующий нас период выгодно отличается от многих других[30]. На время Августа пришлись выдающиеся литературные труды, тогда же велась энергичная строительная деятельность, известно о замечательных произведениях изобразительного искусства. С другой стороны, за прошедшие две тысячи лет круг источников во много раз сузился в результате гибели рукописей и других памятников античной культуры. Направление стихийного отбора, с позиций источниковедения, в минимальной мере отвечало требованиям репрезентативности. Так, из латинских сочинений сохранились главным образом те, что использовались учителями школ эпохи Поздней античности, а затем заинтересовали ученых монахов средневековья[31].

---

[30] Подробное описание источников по времени Августа см.: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 113–121, 311–337, 568–604, 611–647. Это позволяет нам ограничиться кратким обзором. См. также: Gabba E. The Historians and Augustus // Millar F., Segal E. (eds.). Caesar Augustus. Seven aspects. P. 61–88. Подборка источников: Ehrenberg V.; Jones A. H. M. Documents illustrating the reigns of Augustus and Tiberius. Oxf., 1955 (1976)[2] (Ehrenberg & Jones). В переводе на английский: Chisholm K. and Ferguson J. (eds.). Rome, the Augustan age. A source book. Oxf., 1981. Сравн.: Braund D. C. Augustus to Nero: A sourcebook. L.; Sydney, 1986. Важнейшие издания источников указываются далее в ссылках, а также даны в библиографии, где также указаны переводы. Наиболее полный обзор литературных источников на русском языке: Альбрехт М. фон. История римской литературы. Пер. с нем. М., 2002–2004. Т. 1–2 (особ. Т. 2. М., 2004. Третья глава. Литература эпохи Августа. С. 705—973). Оригинал: Albrecht M. von. Geschichte der römischen Literatur. Bd. I–II. München, 2004 u. a. Ausgaben; Schanz M; Hosius C. (Bearb.). Geschichte der römischen Literatur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Justinian. 1 Teil. Die römische Literatur in der Zeit der Republik (1927[4]), 2. Teil. Die römische Literatur in der Zeit der Monarchie bis auf Hadrian. (1935[4]). ND: München, 1966–1967 (указаны источники, литература до 1935 г., цитируются важнейшие пассажи).

[31] По некоторым подсчетам, из 772 известных по именам латинских авторов практически все книги сохранились от тридцати семи, 43 сохранились в большей части своих сочинений, от 64 исследователи располагают немногим, в то время как сочинения 628 авторов полностью утрачены. См: Jerome Th. S. Aspects of the study of Roman history. N. Y., 1962. P. 443. Отмечая «ущербность» и «недостаточность» источников по римской истории, Т. Джероум, в частности, цитирует Т. Моммзена, утверждавшего, что литературная

Дело заключается не только в количественных потерях информации. Применительно к «веку Августа» особенно важно, что утрачены почти все исторические повествования об интересующих нас событиях, написанные их участниками и современниками. Поэтому значительная часть сведений взята из вторых и третьих рук. Благодаря развитию культурологии, исторической и сравнительной психологии стоящие за этим проблемы приобретают все более отчетливые очертания. Речь идет не просто об информированности автора, но и о потерях информации, неизбежно происходивших в ходе ее трансляции из одной ментальности в другую, даже отстоящую на небольшой исторической дистанции в одно-два поколения. Изменения смысла нередко еще усугубляются процедурой переноса значений в современную культурную среду.

Сказанное особенно важно учитывать при реконструкции идей и умонастроений. Передача подобной информации от поколения к поколению невозможна без искажений и потерь[32]. Поэтому при исследовании данной темы должен быть резко дифференцирован подход к первоисточникам и вторичным источникам.

Поздние сочинения, которые являются вторичными источниками, незаменимы для восстановления хода событий, поскольку утрачены первоисточники. В этом отношении, при надлежащей критике, такие материалы достаточно надежны. Пример — «Римская история» Кассия Диона. Другое дело — чувства и идеи современников Августа. Уже для живших спустя десятки лет историков они были тайной за семью печатями — не меньшей, чем для нас. Скорее большей — поскольку они эту проблему столь остро не осознавали. Если для достоверного изложения фактов в основном достаточно было внимательности и добросовестности, то реконструировать мотивацию и образ мыслей в принципе возможно только с некоторой степенью достоверности. Даже содержание слов, обозначавших важные социально-политические реалии, менялось вместе с быстрой перестройкой общества. В сочинениях более поздних авторов могут встречаться адекватные отблески духовных исканий изучаемой эпохи. Но поскольку сами эти писатели понимали мир по-другому, они невольно вкладывали в некоторые ключевые слова новые смыслы[33]. Несинхронные сочинения отражали менталитет своей эпохи, неосознанно перенося его смыслы в эпоху изображаемую.

традиция императорского периода в конечном счете «не просто не имеет формы и цвета, но фактически в большей части бессодержательна» (ibid. P. 442).

32 Это так называемые семантические помехи или шумы, если определить суть проблемы в терминах социолингвистики и теории коммуникации. Некоторые примеры были предварительно рассмотрены в разделе I.2.

33 Сравн. развёрнутое обсуждение общей проблематики применительно ко времени раннего принципата: Flaig E. Den Kaiser herausfordern. Frankfurt a. M., 1992 (особ.: S. 14–37: Metodische Einleitung: Die Unordnug des Diskurses. Überlegungen zum Umgang mit den Quellen).

Поэтому первым шагом в критике источников должна стать их систематизация по времени, по поколениям. Ключевым в любом случае остаётся содержательный анализ. В качестве примера может служить сообщение Светония о намерении Октавиана восстановить «республику» и учредить наилучшее государственное устройство. Таким считалась «смешанная конституция». Биограф, исходящий из реалий своего времени, понял сделанный тогда выбор как решение основать монархию (Suet. Aug. 28.2). Этому ходу мыслей ещё через сто лет следует Кассий Дион, у которого исходный замысел «смешанной конституции» в данном контексте исчезает почти бесследно. Тем не менее, мимоходом упоминая соответствующие факты, которым не придается значения, эти авторы помогают найти ключик к пониманию первоначального замысла творца нового государственного устройства (см. разделы I.9; IV.4 и др.).

Первоисточники, как правило, не могут не содержать информации о своем времени. Выявив по ним «метки» — специфические черты политической идеологии переходного периода — можно с большей уверенностью дальше реконструировать всю мозаику и в конечном итоге попытаться изнутри рассмотреть сущность идеологических противостояний времени Августа, адекватно оценивая не только факты, но также мотивы, в частности, природу «республиканской» идеологии режима. Сопоставляя эту информацию с содержащейся в более поздних источниках, можно попытаться восстановить многомерную и приближающуюся к исторической действительности картину изучаемых событий.

I.5 Свидетельства участников, очевидцев, младших современников (проза)

Первостепенное значение имеют для нас произведения выдающегося оратора, писателя, политика Марка Туллия Цицерона (106–43 гг. до н.э.). Выступая на заседаниях сената и в судах в качестве адвоката, он не обходил стороной острые политические проблемы своего времени. Важную информацию содержит также переписка с родственниками, друзьями и политическими деятелями, содержащая иногда скрытые намеки, а иногда откровенные мысли и оценки. Эти сочинения помогают не только восстановить ход событий, но также их социальную и идейную подоплеку[34]. Для реконструкции идеоло-

[34] Важнейшие издания: M. Tulli Ciceronis opera quae supersunt omnia. Leipzig bzw. Stuttgart (Bibliotheca Teubneriana); Cicero. Works. Lat.-engl. L; Cambr., Mass. (Loeb Classical Library), а также в сериях: "Oxf. classical texts"; "Collection Budé". Имеются многочисленные издания отдельных работ, в частности: Cicero, M. Tullius. De re publica. Kommentar von K. Büchner. Heidelberg, 1984; Cicero, M. Tullius. Drei Reden vor Caesar (pro Marcello etc.). Lateinisch/deutsch. Übers. und hrsg. von M. Giebel. Stuttgart, 2005 etc.

гического и культурного фона событий большое значение имеют трактаты Цицерона «О государстве» (De re publica), «О законах» (De legibus), «Об обязанностях» (De officiis) и ряд других. В них содержатся важные идеи, несомненно, активно обсуждавшиеся тогда в политических кругах. Некоторые, в частности, об «утрате республики» и необходимости ее «восстановления», о наилучшем государстве, были использованы для теоретического обоснования нового режима.

Влияние, а тем более, «участие» Цицерона в идеологической подготовке нового режима, конечно, оказалось косвенным, хотя бы уже потому, что ко времени выбора курса на «восстановление республики» (29/28 гг.) его давно не было в живых. Не следует также обязательно представлять дело так, что из книг Цицерона вычитывались какие-то конкретные идеи и лозунги (хотя это не исключено, и тому есть подтверждения). Главная ценность сочинений Цицерона как исторических источников заключается в том, что они отражают тот менталитет, в котором сформировалась идеология Августовой «восстановленной республики». Данные о личных контактах юного Октавия, позднее Октавиана, с оратором, как и сообщение Плутарха, согласно которому младший из триумвиров пытался защитить своего бывшего союзника, согласуются с мнением о влиянии Цицерона на политическую программу юного Цезаря[35].

Разумеется, Цицерон был не единственным выразителем идей своего времени. Золотой век римской литературы ярко представлен также политическим оппонентом Цицерона — Юлием Цезарем (100–44 гг. до н.э.). Полностью сохранились «Записки о галльской войне», которые являются образцом не только классического краткого, «изящного» стиля (римского аттикизма), но и политической самоапологии. Это сочинение, в частности, помогает понять и характер талантливого политика. Он умел принимать самостоятельные решения, но не желал вести долгие «бесполезные» разговоры.

Одним из самых известных римских историков был Гай Саллюстий Крисп (ок. 86–35 гг. до н.э.). В монографии «Заговор Катилины» он описал события 63 г. до н.э. Эпизод смутного времени дал историку, имевшему немалый опыт политической деятельности, повод критически оценить всю эпоху. Главный герой сочинения изображен как представитель морально разлагающейся аристократии. По мнению Саллюстия, Рим начал вырождаться из-за честолюбия и корыстолюбия, особенно стремительно — с исчезновением карфагенской угрозы. Убедительно сформулированная историком концепция нравственного упадка как причины кризиса республики отразила

35 Plut. Cic. 46. Вопрос о роли Цицерона в формировании мировоззрения Октавиана рассматривается в разделе IV.6. Корпус сочинений Цицерона особенно важен для реконструкции менталитета, из которого выросла идеология Августова принципата. Это объясняет, почему именно он, а не Кассий Дион или Светоний, является наиболее часто цитируемым автором, особенно в главах III–IV.

взгляды, широко распространённые в римском обществе. Позднее подобные настроения побудили Августа предпринять ряд реформ, направленных на возрождение древней религии и нравов предков[36].

Остается лишь сожалеть об утрате большей части литературных первоисточников. Это различные «Записки» (*commentarii*) мемуарного характера, самоапология Антония (*de ebrietate sua*), памфлеты, сочиненные триумвирами и их сторонниками. Трудно представить, насколько ценными оказались бы, к примеру, мемуары Кв. Деллия, который одного за другим поддерживал Долабеллу, Кассия, Антония, был посредником между последним и Клеопатрой, а затем дезертировал на сторону Октавиана[37]. Среди несохранившихся исторических сочинений современников и участников событий следует назвать «Истории» Азиния Поллиона (75 г. до н.э. — 4 г. н.э.), который описал события с 60 г. до н.э. до битвы при Филиппах (42 г.) или до поражения Секста Помпея (36 г. до н.э.). Из его труда многое заимствовал Аппиан[38].

Из дошедших сочинений необходимо упомянуть небольшую по размерам биографию Тита Помпония Аттика, известного корреспондента Цицерона, друга Варрона, имевшего личные связи с Антонием и Октавианом и многими другими политическими деятелями. Книга была написана Корнелием Непотом. Из содержания ясно, что она была начата до смерти Аттика в конце марта 32 года, а завершена до 27 г. до н.э., когда Октавиан получил имя «Август». Исключительное значение данного источника состоит не только в том, что это единственная биография римского всадника. Аттик — один из представителей высшего сословия, которые не хотели участвовать в гражданских усобицах, сознательно отказались от политической карьеры и достигли личного благополучия. Аттик был автором несохранившихся сочинений, в т.ч. «Анналов» (Nep. Att. 13,6), а также занимался книгоиздательством. Вместе с Овидием, Аннеем Мелой и рядом других известных лиц Аттик в изображении Корнелия Непота является важным примером того, как отдельные образованные представители интеллектуальной элиты освобождались от стереотипов. Вначале это было результатом знакомства с идеями философии эллинизма. В дальнейшем отказ от полисных ценностей во

---

36 Саллюстий Крисп, Гай. Сочинения. Пер. и комм. В. О. Горенштейна. М., 1981. О мерах по возрождению «древних нравов» см. гл. VI.

37 Plut. Ant. 29, cf. 25 etc.; см.: Wissowa G. Dellius Q. // RE. Bd. IV.2. (Hb. 8). 1901. Sp. 2447 f.

38 Сохранившиеся фрагменты утраченных исторических сочинений см.: Peter H. (Ed.). Historicorum Romanorum relinquiae. I–II. Stuttgart, 1967 (Kopie von 1906–1915). Об Азинии Поллионе: Groebe P. Asinius 25 — C. Asinius Cn. f. Pollio // RE. Bd. II 2. (Hb. 4). 1896. Sp. 1589–1602 etc. Заслуживает также упоминания историческое сочинение Тита Лабиена, сожженное по решению сената (Sen. rhet. contr. praef. 5, см. раздел IX. 6 с примеч. 159 слл.). Исследованию поэтического описания битвы при Акции, сохранившемуся на папирусе из Геркуланума, посвящена монография: Zecchini G. Il Carmen de Bello Actiaco: storiografia e lotta politica in eta augustea. Stuttgart etc., 1987.

все возрастающей мере определял умонастроения римлян, а в итоге — судьбы Города и Империи[39].

Сочинение Корнелия Непота примыкает к чрезвычайно важному и популярному направлению исторических штудий, к сожалению, почти не сохранившихся. Это антикварная (и антикварно-биографическая) литература, появление и расцвет которой был связан, с одной стороны, со стремлением римских «нобилей» обосновать свои права на исключительное положение в государстве, а с другой — с ностальгией по «старым добрым временам» и нравам. Важной задачей было также приобщение к римским традициям муниципальной знати, влившейся в ряды господствующего класса. К этому жанру, в частности, обращался и Аттик. Самым выдающимся представителем «антикварианизма» был Марк Теренций Варрон (116–27 гг. до н.э.). Крупнейший римский ученый-энциклопедист был автором 74-х научных трудов в 620 книгах, в большей части не сохранившихся (утраченные сочинения цитировали Августин, Авл Геллий, Фест, Макробий и другие поздние авторы). В их числе были «Древности человеческие и божественные» в 41 книге и «О жизни римского народа» в 4 книгах[40]. Своими разысканиями древних обычаев и обрядов Варрон подготовил «реставрационные» мероприятия Августа[41]. В определенной мере результаты антикварных изысканий авторов конца Республики — начала Империи представлены в труде Дионисия Галикарнасского «Римские древности» в 20 кн. Автор переселился в Рим ок. 30 г. до н.э., а свой труд (сохранилась примерно половина) опубликовал в 7 г. до н.э. Трудами антикваров широко пользовался также Валерий Максим[42].

Выдающимся историком — современником Августа (и близким императору) был Тит Ливий (59 г. до н.э. — 17 г. н.э. или 64 г. до н.э. — ок. 12 г. н.э.)[43],

---

39 На роль этого феномена указал в своей работе И. М. Гревс: Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во времена Империи). Спб., 1899. Т. 1, очерк второй: «Т. Помпоний Аттик как представитель особого типа земельных магнатов в переходную эпоху от республики к империи». С. 237–438. К данной теме обращался также Фергюс Миллар: Millar F. Cornelius Nepos, "Atticus" and the Roman revolution // G&R. Vol. 35, N 1. 1988. P. 40–55 (= Millar F. Rome, the Greek world, and the east. Vol. I. Chapel Hill, 2002. P. 183–199); id. Atticus: Picture of a witness of the Roman revolution // Alfoldy G. (ed.) Vom frühen Griechentum bis zur römischen Kaiserzeit… Stuttgart, 1989; Dortmund A. Römisches Buchwesen um die Zeitenwende. War T. Pomponius Atticus (110–32 v. Chr.) Verleger? Wiesbaden, 2001. Об Овидии см. раздел IX.5.

40 Peter H. Historicorum romanorum reliquiae. Lipsiae, 1883. Bd. 1 (собрание фрагментов из сочинений ранних римских историков III–I вв.); M. Terentius Varro. Antiquitates rerum divinarum. 2 Bd. (Teil 1: Die Fragmente, Teil 2: Kommentar). Wiesbaden, 1976; Salvadore M. (Hrsg.) M. Terenti Varronis fragmenta omnia quae extant. 2 Bd. Hildesheim, 1999–2004.

41 Сидорович О. В. Анналисты и антиквары: римская историография конца III—I в. до н.э. М., 2005 (Теренцию Варрону и антикварам посвящена глава 3, с. 165–273, о количестве работ Варрона см. с. 190). Подробнее об антикварах см. далее, раздел VI.1.

42 См.: Rawson E. Intellectual life in the late Roman republic. L., 1985. Ch. 15 f. О Валерии Максиме см. раздел I.9 с примеч. 80.

43 См.: Кузнецова Т. И., Миллер Т. А. Античная эпическая историография. Геродот. Тит Ливий. М., 1984; Немировский А. И. Социально-политические и философско-религиозные взгляды Тита Ливия // ВИ. 1977.

автор римской истории «От основания Города» в 142 книгах. Уроженец Патавия (ныне Падуя) на севере Италии, он стал первым из римских историков, не имевших опыта политической деятельности. Грандиозный труд Ливия обосновывал «реставрационную» идеологию нового режима, который представал как усовершенствованное продолжение «древней» республики.

К сожалению, большая часть сочинения Ливия, в том числе книги CXVI–CXLII, освещавшие события с 44 по 9 гг. до н.э., утрачена. Об их содержании можно судить лишь по сохранившимся оглавлениям и изложениям позднейших авторов. Судя по всему, Ливий имел собственный взгляд на происходившее, и к концу жизни придворным историком овладели сомнения и скептицизм. Для изучения идеологии Августовых мероприятий представляет интерес уже общий замысел грандиозного труда. Не менее важна подача отдельных эпизодов, а также некоторые комментарии, встречающиеся по ходу изложения.

Когда Тацит писал, что «не было недостатка в блестящих дарованиях и для повествования о времени Августа» (Tac. ann. I. 1), он несомненно имел в виду также историков, которых можно назвать писателями «пограничного» времени: они начинали свой творческий путь при Августе, а завершали его уже при Тиберии. Их сочинения по большей части не сохранились. Это относится и к «Истории» Аннея Сенеки Ритора (Старшего), охватывавшей время от Гракхов до к. 30-х гг. н.э. Проживший долгую жизнь ритор был младшим современником Августа. Он обладал феноменальной памятью. Суждения и оценки, выработавшиеся в ходе исторических штудий и размышлений над недавним прошлым, отразились в сохранившихся риторических сочинениях — «Контроверсиях» и «Суазориях». Они в значительной части сохранились и содержат множество интересных фактов и высказываний, помогающих ощутить дух времени[44]. Рассказы и образ мыслей Сенеки Ритора должны были сказаться на формировании взглядов сына — Аннея Сенеки Философа (Младшего), о котором еще будет сказано далее.

Авл Кремуций Корд зачитывал свои «Анналы», рассказывавшие о гражданских войнах и первых годах нового режима, самому Августу. Но это не помешало клевретам Сеяна в 25 г. н.э. обвинить историка за содержавшиеся в его труде похвалы Бруту и Кассию. Корд покончил с собой, а его труд

№ 7. С. 103–117; Кнабе Г. С. Рим Тита Ливия — образ, миф, история // Тит Ливий. История Рима от основания города. М., 1993. Т. III. С. 590–655; Токмаков В. Н. Тит Ливий как зеркало римской историографии // Древнее Средиземноморье: религия, общество, культура. М., 2005. С. 114–134; Dorey T. A. (ed.) Livy. L., 1971; Burk E. (hrsg.). Wege zu Livius. Darmstadt, 1967, 1977[2]; Walsh P. G. Livy: his historical aims and methods. Cambr., 1961; id. Livy. Oxf., 1970, 1974[2] etc. О взаимоотношениях Ливия и Августа, соотношении идейных установок Ливия и других авторов с идеологией нового режима см. раздел IX.6.

44 Seneca rhetor. Oratorum et rhetorum sententiae divisiones colores. Leipzig: Teubner, 1989. См. также: Rossbach O. Annaeus 16. // RE. Bd. I.2. 1894. S. 2237–2240; Whitehorne J. E. G. The Elder Seneca. A review of past work // Prudentia. Vol. I. 1969. P. 14 ff.; Fairweather J. Seneca the Elder. Cambr. etc., 1984.

был приговорен к сожжению. К сожалению, он не дошел до нас, хотя дочь историка Марция спасла тогда экземпляр «Истории». Автором еще одного несохранившегося исторического повествования, охватывавшего период от смерти Цицерона до 31 (возможно, до 47) г. н.э., был Ауфидий Басс. Среди других не дошедших до нас трудов о временах смуты и годах правления Августа были книги будущего императора Клавдия[45].

Из дошедших до нас трудов греческих авторов значительный интерес представляет «География» Страбона из Амазии (ок. 40 г. до н.э. — 25 г. н.э.). Он был также автором несохранившегося исторического труда. Большую часть жизни Страбон провел в Риме. «География», впервые опубликованная в 6 г. до н.э., а затем, в доработанном виде, переизданная в конце жизни автора, содержит не только конкретную информацию об Империи, но и общий взгляд на новую государственность с позиций образованного грека[46].

Николай Дамасский (64 до н.э. — после 14 г. н.э.) был воспитателем детей Антония и Клеопатры, а также Цезариона. По-видимому, он оставил двор Птолемеев еще до Акция. Позднее историк стал советником и близким другом Ирода Великого. Его покровитель также вовремя порвал дружбу с Антонием, сумев со временем заручиться поддержкой и даже дружбой с Августом (Jos. ant. Jud. XV.361). Царь Иудеи посылал своего доверенного советника с ответственными поручениями в Рим, также к самому Августу. Он выполнял их с успехом, используя эти поездки также для литературных разысканий. Николай был знаком с Дионисием Галикарнасским, Кринагором, Страбоном, Тимагеном и другими учеными того времени. Перу Николая Дамасского принадлежало множество трудов, в т.ч. всеобщая история в 144 книгах. Почти все произведения утрачены, биография Августа сохранилась во фрагментах[47]. Ее ценность обусловлена не только эрудированно-

---

45 Burck E. Das Bild der Revolution bei romischen Historikern // Gymnasium. Bd. 73. 1966. S. 86–109; Momigliano A. Claudius. Oxf., 1934. P. 1 ff. См. раздел IX.6.

46 Страбон. География. Пер. с др.-греч. Г. А. Стратановского. М., 1994[2]. См.: Арский Ф. Н. Страбон. М., 1974; Грацианская Л. И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. 1986. М., 1988. С. 6–175; Dueck D. Strabo of Amasia. A Greek man of letters in Augustan Rome. L., N. Y., 2000.

47 Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin, 1926. 2A. S. 324–420; II C. S. 261–291, 343; Nicolaus of Damascus. Life of Augustus. Ed. and trans. Bellemore J. Bristol, 1984; Nikolaos von Damaskus. Leben des Kaisers Augustus. Hrsg., übers. und kommentiert von J. Malitz. Darmstadt, 2003, 2011[3] (с подробной библиогр. Далее: Malitz J. Nikolaos…); Николай Дамасский. О жизни Цезаря Августа и его воспитании. Пер. под ред. Е. Б. Веселаго // ВДИ. 1960. № 4. С. 218–237. Лит.: Wacholder B. Z. Nicolaus of Damascus. University of California studies in history. Vol. 75. 1962; Dobesch G. Nikolaos von Damaskos und die Selbstbiographie des Augustus // Grazer Beiträge. Bd. 7. 1978. S. 91–174 (= id. Ausgewählte Schriften. Band I. Köln etc., 2001. S. 205–273); Toher M. The "Bios Kaisaros" of Nicolaus of Damascus: An historiographical analysis. Ann Arbor (Mich.), 1987. Обзор литературы: Kienast 2009. S. 272 f. mit Anm. 212–215. О юности Августа см. раздел IV.7, о судьбе Цезариона — раздел V.2 с примеч. 45. О взаимоотношениях Ирода, «третьего человека в Империи», с Августом и Агриппой см.: Baltrusch E. Herodes. S. 108–174.

стью автора, но и личным знакомством с императором. Взаимопониманию (и дипломатическим успехам) способствовала также принадлежность к одному поколению, возможно, близость литературных интересов[48]. Когда Август умер, Николаю было 76 лет. Есть мнение, что лишь тогда и было написано панегирическое жизнеописание Октавиана "Bios Kaisaros". Согласно другой точке зрения, сочинение, частично основанное на автобиографии Августа "De vita sua" (ок. 24 г. до н.э.), было завершено и опубликовано уже к концу 20-х гг. до н.э. Возможной целью, поставленной не без участия Ирода, было нейтрализовать воздействие многочисленных памфлетов, распространявшихся на греческом Востоке Антонием. Дошедшие фрагменты «Биографии» относятся к юности и к началу политической карьеры основателя Империи (до поездки в Кампанию в 44 г.). Впрочем, содержание «Введения» допускает, что жизнеописание Николая Дамасского доходило до 27 г. до н.э.[49]

Враждебная Августу традиция во многом обязана памфлетам и «Историям» Тимагена, проживавшего в Риме с 50 г. до н.э., некоторое время в доме принцепса. Известно, что после их ссоры Тимаген сжег свое описание правления Августа и переселился к Азинию Поллиону[50].

Особое место среди письменных первоисточников по нашей теме занимают «Деяния божественного Августа» ("Res gestae divi Augusti") — своеобразный отчет императора о своих заслугах перед Римским народом, дошедший в виде надписей на камне в латинском и греческом вариантах. Если труды Цицерона являются важнейшим источником для понимания идейной среды, в которой формировалась концепция «восстановления республики», то сравнительно небольшое сочинение основателя нового режима дает возможность познакомиться с его интерпретацией собственных свершений, а также их мотивов. Этот памятник, ввиду выдающегося значения для изучения новой государственности, рассматривается отдельно[51]. Менее

---

48 Известно, что историк регулярно посылал императору его любимые финики, которые тот называл по имени отправителя «финиками Николая». Подробнее о Николае, с дальнейшими ссылками, см. указанное издание: Malitz J. Nikolaos… S. 1 ff.

49 Аргументация Малитца в пользу «ранней» датировки биографии Августа представляется достаточно убедительной (Malitz J. Nikolaos… S. 5–8.). Об автобиографии Августа см. также тексты докладов состоявшейся в 2005 г. конференции: Smith C.; Powell A. (eds.). The lost memoirs of Augustus and the development of Roman autobiography. Swansea, 2009 (среди докладов: Smith C. The Memoirs of Augustus: testimonia and fragments. P. 1–14; Toher M. Divining a lost text: Augustus' autobiography and the bios kaisaros of Nicolaus of Damascus. P. 125–144; Powell A. Augustus' age of apology: an analysis of the memoirs – and an argument for two further fragments. P. 173–194). Rec.: Walter U. // HZ. Bd.. 292, 3. 2011. S. 743–751 etc.

50 Sen. major. Controversiae 10.5.22. cf.: Laquer R. Timagenes // RE. Bd. VI A, 1, Sp. 1063–1071; Sordi M. Timagene di Alessandria: uno storico ellenocentrico e filobarbaro // ANRW. Bd. II 30.1. 1982. S. 775–797.

51 Современный книжный вариант одного текста занимает 10–12 страниц. Проблемы интерпретации содержания «Деяний», а также вопросы, связанные с целью и временем создания рассматриваются в разделах VII.5 сл. О находках и изучении надписей см. далее, в разделе I.7. Там же указаны важнейшие публикации.

известны, прежде всего по причине плохой сохранности, другие тексты, вышедшие из-под пера Августа или при его участии. Тем не менее, имеющиеся фрагменты, а также упоминания, ссылки и сохранившиеся эдикты составляют немалый объем. В их числе пассажи из произведений различного жанра, писем, цитируемых более поздними авторами (в т.ч. Светонием), а также надписи на камне и папирусы. Считается, что количество текстов, к которым был так или иначе причастен сам император, исчислялось пятизначным числом. Самое известное издание сохранившихся фрагментов Энрики Мальковати, выдержавшее пять изданий (1921–1969), содержало 294 отрывка. В последнем, подготовленном Клаусом Брингманом и Дирком Вигантом, добавлено еще 16, так что оно насчитывает 310 названий. Многие из них заслуживают самого внимательного прочтения[52].

Почти полная утрата исторических повествований о времени Августа, принадлежавших участникам событий, вызывает серьезные трудности, особенно при попытках восстановить происходившие в интересующий нас период изменения в политических настроениях и взглядах. Этот недостаток следует по возможности восполнить другими первоисточниками, в которых непосредственно отразились переживания и мысли современников. Среди них — творения великих поэтов и безыскусные надгробные надписи, запечатленные на камне официальные документы и сочинения юристов, монеты и памятники архитектуры.

I.6. Произведения поэтов «Августова века»

Вместе с сочинениями, появившимися в последние десятилетия Республики, поэзия и проза времени Августа составляют славу «золотого века» римской литературы[53]. Ценность произведения литературы как источника не обязательно соответствует его художественным достоинствам. Порой без-

[52] Weichert A. Imperatoris Caesaris Augusti scriptorum reliquiae. Fasc. 1. Grimae, 1841; 1846; Malcovati H. Imperatoris Caesaris Augusti operum fragmenta. 1969[5]. Фрагменты включены также в издание Г. Петера, указанное далее. Новейшее, самое полное издание фрагментов и высказываний Августа: Bringmann K.; Wiegandt D. (hg.). Augustus. Schriften, Reden und Aussprüche. Darmstadt, 2008 (далее: Bringmann; Wiegandt). Книга также содержит комментарии и переводы латинских и греческих текстов на немецкий. По мнению Брингмана и Виганта, авторство 15 фрагментов сомнительно. См. также далее о биографии императора, при написании которой Николай Дамасский использовал *de vita sua* самого Августа. О литературном творчестве Августа см. также раздел IV.7.

[53] История римской литературы. В 2 т. М., 1959–1962; Полонская К. П. Римские поэты эпохи принципата Августа. М., 1963; Гаспаров М. Л. Греческая и римская литература I в. до н.э. Греческая и римская литература I в. н.э. // История всемирной литературы. М., Т. 1. 1983. С. 437–485; Альбрехт М. фон. История римской литературы; Griffin J. Latin poets and Roman literature in the early empire. Berkeley, 1978; The age of Augustus. The Cambr. history of classical literature. Ed. E. J. Kenney and W. V. Clausen. Cambr., 1983. Vol. II. Part 2; Doody M. A. The daring muse: Augustan poetry reconsidered. Cambr. etc., 1985; Schmidt E. A. Augusteische Literatur. System in Bewegung. Heidelberg, 2003; Gall D. Die Literatur in der Zeit des Augustus. Darmstadt, 2006 (компактное введение с библиографией) etc.

ыскусная надгробная надпись, еще и с грамматическими ошибками, или с трудом читаемая долговая расписка могут рассказать о своем времени не меньше, чем прекрасно обработанная декламация или даже стихотворение выдающегося мастера слова. Текст часто открывает историку нечто иное, чем намеревался сообщить автор. Между строками можно прочесть то, о чем писать было нельзя, а иногда — услышать фальшь слов, которые автор вынужден был произнести. Сказанное имеет прямое отношение к нашей теме, и при знакомстве с поэзией начала Империи следует иметь в виду влияние нового политического режима на содержание произведений.

И ранее наблюдалось стремление употребить литературу в борьбе за власть. С установлением почти безраздельного влияния Августа использовавшаяся для этого традиционная форма покровительства людям творческих профессий приобрела новый характер. В изложениях литературы века Августа непременно всплывает имя Гая Цильния Мецената (ум. в 8 г. до н.э.), одного из ближайших сподвижников принцепса. Мецената и членов его «кружка» связывала не только любовь к искусству (сам Меценат, как и Август, сочинял стихи, оба без особого успеха), но и узы патроната — клиентелы. При этом существенная материальная помощь поэтам предполагала их лояльность по отношению к режиму.

Взаимоотношения литераторов с государством никак не укладываются в понятия «подкуп», «давление», «лесть» и подобные, предполагающие сознательное искажение истины в интересах целенаправленной лживой «пропаганды». Влияние на сограждан (как, в конечном итоге, и почетное место в истории мировой литературы) было обусловлено тем, что великие римские поэты выразили сложнейшую гамму настроений и мыслей, которые были характерны для современников. Ведь не можем мы подозревать в неискренности едва ли не все общество, оказавшееся на счастливом мирном распутье между буйством честолюбивых амбиций в конце Республики и неприкрытым подавлением гражданских свобод уже в правление преемников Августа[54].

Расцвет культуры, конечно и поэзии, определялся благосостоянием высших слоев, уровнем образованности и интересами, наличием слушающей и читающей аудитории. Общество вкусило плоды мира и находилось в состоянии легкой эйфории в надежде на благополучное будущее. Покровителем литераторов выступал не только сподвижник Августа Меценат, известны также люди, вполне независимые от правительства. Такие патроны, как крупный полководец и оратор М. Валерий Мессала Корвин (в «кружок»

---

[54] Можно вспомнить апорию Зенона о жителе Крита, который сообщил пришельцу, что все критяне — лжецы. Мы осознаем, что вопрос о психологии оппортунизма «большинства» не столь прост, это показала также последующая, в том числе новоевропейская история. Как правило, запуганное большинство «не знает» о беззакониях правительства, если они его не затрагивают, и не хочет знать, если в результате имеет выгоду.

которого входил, в частности, Тибулл), а также государственный деятель, оратор и историк Азиний Поллион, придерживались особых политических взглядов. И все же величайшие из римских поэтов, как, например, Вергилий и Гораций, были близки к Меценату и к Августу, что тоже едва ли является случайностью.

Публий Вергилий Марон (ок. 70–19 гг. до н.э.) происходил из скромной италийской семьи, но получил прекрасное образование в Кремоне, Медиолане и Риме. Он бесспорно разделял овладевший Италией дух патриотизма и ориентации на древние образцы, который был идейным фундаментом нового режима. Эти настроения и мысли Вергилий выразил в «Эклогах», «Георгиках» и особенно в эпической поэме «Энеида», начатой по совету Августа.

Квинт Гораций Флакк (65–8 гг. до н.э.), отец которого был вольноотпущенником, сражался в армии Брута при Филиппах, затем отошел от политики, а по возвращении в Рим вошел в «кружок» Мецената. Со временем Гораций все более убеждался в необходимости и благодетельности установившегося порядка, однако всегда сохранял стремление к внутренней независимости. Эволюция взглядов поэта отразилась в сборниках его стихов: «Эподах» («Ямбах»), сатирах, названных «Беседы» (Sermones), «Посланиях» (Epistulae), «Одах», или «Песнях» (Carmina). Гораций по заказу Августа сочинил «Секулярный гимн» программного содержания, исполнявшийся на грандиозных празднествах в 17 г. до н.э.

К младшему поколению поэтов «золотого века» принадлежал Публий Овидий Назон (43 г. до н.э. — 18 г. н.э.), который в полной мере смог испытать блага Августова «мира». Отказавшись от политической карьеры, он окунулся в удовольствия столичной жизни. В книгах стихов Овидия: «Любовные элегии», «Героиды», а особенно «Искусство любви» и «Лекарства от любви», — отразились новые ценности римского «света», утратившего общественные идеалы и стремившегося лишь к праздному досугу. Стихи легкомысленного любимца муз слишком диссонировали с усилиями Августа, направленными на возрождение старинных добродетелей. Вместе с некоей загадочной «виной» они послужили причиной ссылки Овидия в городок Томы на западном побережье Понта Эвксинского (с 8 г. н.э.). Оттуда в Рим доходили стихи, в которых можно встретить неумеренные славословия в адрес принцепсов (книги «Скорбные элегии» и «Письма с Понта»).

Из еще не упомянутых авторов Августова века, сохранившиеся фрагменты произведений которых содержат важную информацию, назовем лишь нескольких: Гай Вальгий Руф (консул 12 г. до н.э.) — поэт, друг Горация и Мецената; Гай Юлий Гигин (64 г. до н.э. — 17 г. н.э.) — поэт, мифограф, астроном, вольноотпущенник Августа, заведовавший Палатинской библиотекой; Марк Веррий Флакк (55 г. до н.э. — 20 г. н.э.) грамматик, филолог, антиквар,

по происхождению вольноотпущенник, воспитатель Гая и Луция Цезарей; Марк Витрувий Поллион (80/70 — после 15 гг. до н.э.) — инженер и архитектор, автор сохранившейся «Истории архитектуры»; Марк Антистий Лабеон (ум. в 10 или 11 г. н.э.) — юрист и филолог; Секст Аврелий Проперций (50 г. до н.э. — 15 г. н.э.) — поэт. При том, что большинство имен вообще кануло в Лету, известно не менее 50 имен поэтов, от которых по большей части не дошло ни строчки.

I.7. Надписи

Большое количество кратких и пространных, частных и официальных надписей — одна из особенностей античной цивилизации. В современной литературе в связи с этим ставятся вопросы о предназначении надписей на твердых предметах (прежде всего на камне), их читателях («аудитории») и, соответственно, их «эффективности». В самом деле, многие ли могли читать тексты, записанные в «лапидарном» стиле, с помощью особой графики? Да и кто испытывал желание изучать предписания декретов, выстроившихся на городской площади неизвестно с каких времен, или кладбищенские эпитафии? Что может дать исследование таких памятников? Однако сколько бы подобных и еще более коварных вопросов ни изобретали скептики, гиперкритический подход исключается уже тем, что надписи, стоившие достаточно дорого, все же изготавливались. Соответственно, необходимость использования этих источников не может ставиться под сомнение, при том, что документальность и синхронность изучаемым событиям сообщает им особую ценность. Речь должна идти о выяснении специфики памятников и выработке методов их адекватной интерпретации[55].

Эпиграфический материал времени Августа обширен[56]. Огромная работа по собиранию, обработке, систематизации и публикации надписей, начало которой положил Т. Моммзен, позволила в последующие десятилетия расширить тематику исследований за рамки интриг императорского двора и успешных военных кампаний. Появилась возможность сосредоточить

---

55 См.: MacMullen R. The epigraphic habit in the Roman Empire // AJPh. Vol. 103. 1982. P. 233–246; Harris W. V. Literacy and epigraphy. I // ZPE. Bd. 52. 1983. P. 87–111; Alföldy G. Augustus und die Inschriften: Tradition und Innovation. Die Geburt der imperialen Epigraphik // Gymnasium. Bd. 98. 1991. S. 289–324. См. также обзор: Meyer E. A. Epigraphy and communication // Peachin M. (ed.). The Oxf. handbook of social relations in the Roman world. Oxf., 2011, esp. P. 205 ff. Важнейшие собрания надписей: начавший издаваться с 1863 Т. Моммзеном Corpus inscriptinum latinarum, выходящий с 1888 ежегодник Année epigraphique, а также Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik — содержат более 300 тыс. надписей.

56 Классические издания латинских надписей: Corpus inscriptionum Latinarum. Berolini, 1863 (CIL), esp. Bd. IV, VI; Dessau H. Inscriptiones Latinae selectae. Berolini, 1892–1916; 2 ed: 1954–1955 (ILS); Inscriptiones Italiae. Roma, 1936–1953. T. I–XIII; Bruns C. G. Fontes iuris Romanis antiqui. Tubingae. 1909[7] (Bruns) etc. Обзоры за пятилетие помещает "The Journal of Roman studies".

внимание на провинциальном управлении, истории армии и других социальных проблемах. Сохранились эпитафии и посвящения, постановления муниципальных и провинциальных органов власти, декреты сената и самого принцепса. Многочисленные надгробные надписи сообщают важную информацию о представителях высших слоев населения, дают возможность выявить социальную мобильность, которая во многом определяла эволюцию режима. Уже тот факт, что в частных надписях основное внимание продолжало уделяться *cursus honorum*, свидетельствует о жизненности традиционной, полисной системы ценностей. Просопографические штудии позволили проследить карьеры множества сенаторов и наместников провинций[57]. Каменные надгробия с надписями были доступны широкому кругу обеспеченных граждан: представителям высших сословий, муниципалам, офицерам, солдатам и ветеранам. Что касается идеологического содержания, то надписи «оппозиционной» направленности неизвестны, и это молчание дает пищу для размышлений[58].

Среди наиболее известных частных надписей — "Laudatio Turiae"[59], похвальное слово мужа покойной жене, которая, как становится ясно из содержания, спасла его от проскрипций триумвиров. За повествованием о достоинствах Турии всплывают ужасы гражданских войн и картина установившегося после всех бедствий долгожданного мира. Обнаруживаемый в тексте образ мыслей отразил настроения широких кругов населения Италии[60].

Важные сведения можно почерпнуть из фаст (записей наиболее примечательных событий), которые продолжали вести в различных городах Италии, в частности, в Пренесте, Кумах, Остии[61]. Большой материал, рассказывающий о некоторых аспектах генезиса и эволюции императорской власти, имеется в многочисленных надписях из различных провинций, как Западных, так и Восточных. Среди публикуемых в последние годы текстов

---

57 Персоналии представителей высших сословий Ранней Империи собраны в Prosopographia Imperii Romani (PIR). Berlin, 1897–1898, 2 Aufl.: Teil 1–5. 1933–1983. См. также: Eck W. (Hrsg.) Prosopographie und Sozialgeschichte. Studien zur Methodik und Erkenntnismöglichkeit der kaiserzeitlichen Prosopographie. Köln, 1993; Nitschke J. Dignitas und auctoritas: der römische Senat und Augustus; prosopographische Überlegungen zur Karriere der Konsuln und Statthalter 30 v. Chr. bis 14 n. Chr. München, 2001 etc.

58 Отчасти срабатывала некая «цензура», в первую очередь, самоцензура. Cf.: Braund D. C. Augustus to Nero. Introduction.

59 CIL VI.1527, 31610, 37053 (= ILS 8393 = Bruns n.126). Ранее персонажи надписи идентифицировались с Кв. Лукрецием Веспиллоном и его женой Турией, которая спасла мужа во время проскрипций в 43 г. (Val. Max. VI.7.2; App. b. c. IV. 44). М. Дюрри в 1950 году показал необоснованность и неправдоподобность этой версии (Durry M. Éloge funèbre d'une matrone romaine. P., 1950. P. LIV ff.).

60 Wistrand E. The so-called Laudatio Turiae. Götheborg, 1976; Flach D. Die sogenannte Laudatio Turiae. Einleitung, Text, Übersetzung und Kommentar. Darmstadt 1991, cf.: Horsfall N. Some Problem in the Laudatio Turiae // BICS. 1983. T. 30 P. 85–98; Millar F. Rom… Vol. I. 2002. P. 55 f.; Похвала Турии. Перевод и комментарий В. О. Горенштейна: ВДИ. 1970. № 4. С. 217–223. См. также: Albrecht M. von. Geschichte… I. Bern, 1992. 3. Кар. III B. S. 691, с указ. на лит. (русский перевод: Альбрехт М. фон. История…).

61 Fasti praen. // CIL I2. P. 230–239; Vidman L. Fasti Ostiensis. Pragae, 1982 etc.

из Афродисия наибольший интерес представляют письма и решения, исходившие как лично от Октавиана, так и принятые совместно с коллегой по триумвирату Антонием. В нач. 1970-х гг. на стене театра в Афродисии была обнаружена группа важных надписей. Они дополняют данные о конституционном положении Октавиана в 30-е годы[62]. Многие документы носили характер государственных распоряжений, причем содержание ряда надписей обнаруживает преобладание Октавиана на территории, формально контролировавшейся Антонием. Там ясно проявляется также автократическая власть молодого Цезаря, поскольку в провинциях она не была ограничена традиционной римской «конституцией»[63]. В то же время сохранились многие прежние конституционные формы, а ряд надписей показывает «в деле» весь механизм республиканской процедуры[64].

Самым выдающимся эпиграфическим памятником Августова времени являются «Деяния божественного Августа» ("Res gestae divi Augusti" — далее: RG). Текст составлен самим принцепсом, который подвел в нем итоги своей государственной деятельности. Он редактировал «Деяния» до последних лет своей жизни; в окончательном варианте, оригинал которого предназначался в первую очередь для мавзолея Августа в Риме, прослеживаются следы предшествующих версий, предположительно относящихся к 28, 23, 8 и 2 гг. до н.э. Сочинение носит характер самоапологии, что отнюдь не лишает его ценности как первоисточника, содержащего достоверный фактический материал и официальную оценку событий, данную самим создателем режима. Принимается или нет его трактовка как достоверная, важен уже тот факт, явствующий из RG, что сам Август стремился представить себя восстановителем «республики».

Все копии памятника и фрагменты были найдены в Малой Азии (совр. Турция), причем на территории римской провинции Галатии. Первая копия «Деяний», на латинском языке с греческим переводом, была обнаружена еще в 1555 г. в Анкаре (римский город Анкира, главный город провинции Галатия). Анкирская надпись была высечена на плитах, вмурованных в стену храма Ромы и Августа. Позднее фрагменты греческого варианта были найдены еще в Аполлонии (1821 и 1930 гг., область Писидия, ныне Улуборлу), а латинского — в Антиохии (1914 и 1926 гг., Писидия/Фригия, недалеко от совр. Ялвача). Эти находки помогли более достоверно восстановить некоторые лакуны. Особенно важно было прочтение фрагмента 34.3 ла-

---

62 Опубликованы: Reynolds J. M. Aphrodisias and Rome. Documents from the excavation of the theatre at Aphrodisias. L., 1982. Речь идет об Афродисии (*Aphrodisias*) Карийской в ю.-з. части полуострова М. Азия (ныне Турция).

63 Reynolds J. Op. cit. Esp. P. 36–106 and docs. 6–13. Особенно важен сохранившийся там *senatus consultum* 39 г. до н.э. (док. 8).

64 Reynolds J. Op. cit. P. 39–40. Cf. Millar F. Empire and city, Augustus to Julian… // JRS. Vol. 63. 1973. P. 50–67.

тинской версии. Вместо Моммзеновского *dignitate* правильным оказалось восстановление *auctoritate,* так что фрагмент читается так: *"post id tempus auctoritate omnibus praestiti"* — «после этого я превосходил всех своим авторитетом», что справедливо поставило категорию auctoritas в центр исследования Августова «принципата»[65].

В 2005 году был издан еще один новый фрагмент "Res gestae" (34.1) из Антиохии, уточняющий текстовое восстановление Моммзена. Известный пассаж, читавшийся ранее как *"per consensum universorum potitus rerum omnium rem publicam ex mea potestate in senatus populique Romani arbitrium transtuli",* теперь читается *"per consensum universorum* ***potens*** *rerum omnium…".* Это чтение отражает более самоуверенный тон Августа и подтверждает, что к 28 г. он уже обладал (а не получил ее) полной властью[66].

Пять эдиктов из Киренаики (совр. Ливия), которые датируются временем с 7 до 4 гг. до н.э., изданные в 1927 г., предоставили информацию о механизмах решения юридических споров. Они показали, что при необходимости Август без колебаний вмешивался в решение вопросов в провинции, которая номинально управлялась сенатом и Римским народом («сенатские» провинции)[67].

Пока вызывает сомнение подлинность бронзовых досок из северной Испании с эдиктами Августа. Тексты регулируют территориальное деление региона и финансовые обязанности населения. Эдикты, похоже, были составлены Августом в Нарбоне в 15 г. до н.э., после побед в Кантабрии и Астурии. В преамбулах, и это первый известный случай, наряду с трибунской властью для определения государственно-правового положения Августа используется термин *proconsul*[68].

Две важные надписи, проливающие дополнительный свет на положение в государстве в конце правления Августа и в первые годы Тиберия, были не так давно найдены на территории римской провинции Бетика (Испания). Они важны для понимания общественных настроений после смерти Авгу-

---

65 Классические комментированные издания (некоторые с переводами): Mommsen T. (1883^{2}), Gage J. (P., 1935), Berini C. (Roma, 1937), Malcovati E. (Roma, 1937); Volkmann H. (Berlin, 1969^{3}); Brunt P. A. and Moor J. M. (Oxf., 1967); Weber E. (Düsseldorf, 1999^{6}); Giebel M. (Stuttgart, 2004^{2}) etc. Фрагмент Анкирской надписи изображен на заставке данной главы (илл. I.1). См. также разделы I.5 и особенно VII.5.

66 Комментированные научные издания, учитывающие современные дополнения и интерпретации: Scheid J. (ed.). Res gestae divi Augusti. Hauts faits de divin Auguste. P., 2007; Cooley A. E. Res gestae divi Augusti. Text, Translation, and Commentary. Cambr., 2009; repr. 2010; Möller L. (Hrsg.) Meine Taten: res gestae divi Augusti. Wiesbaden, 2014. Подробнее о RGDA см. в разделах VII.5 сл.

67 De Visscher F. Les édits d'Auguste découverts à Cyrène. Louvain; P., 1940 (= SEG IX.8 = Ehrenberg & Jones, doc. 311). См: Ferrary J.-L. 'A propos des pouvoirs d'Auguste // CCG. T. 12. 2001. P. 101–54, 137–138 (= engl.: The powers of Augustus // Edmondson J. Augustus. P. 90–136, p. 117–118 etc.) Сравн.: Машкин Н. А. Эдикты Августа из Киренаики // ВДИ. 1938. N 3. С. 180–192.

68 Опубликовано: AE 1999, 915 = 2000, 760; Richardson J. S. The new Augustan edicts from northwest Spain // JRA. Vol. 15. 2002. P. 411–415 (Ричардсон выражает сомнение в подлинности надписи).

ста. *Tabula Siarensis* (найдена недалеко от Севильи) содержит постановление сената от декабря 19 г., определявшее почести умершему в октябре Германику. Вместе с *Lex Valeria Aurelia,* а а также ранее открытой *Tabula Hebana* (Этрурия) и фрагментами еще двух надписей из Рима и Тоди (Перуджия), *Tabula Siarensis* образует своего рода пакет документов, которые сообщают о мерах, предпринятых для контроля за выборами высших магистратов[69]. В этой надписи также отразился отказ Тиберия от политики Августа в отношении Германии. Еще один документ времени Тиберия — *Senatus consultum de Cn. Pisone patre,* которым завершился процесс против обвинявшегося в убийстве Германика Кальпурния Пизона. Надписи не только служат для проверки достоверности литературной традиции, в данном случае — сообщений Тацита о событиях, связанных с последними годами жизни Германика (Tac. ann. II. 55, 57, 69–73, 75–83, III.12–18; cf.: Suet. Cal. 1–6)[70]. Они дают возможность выяснить неизвестные ранее нюансы римской политической жизни.

Краткие надписи на глиняных черепках (остраконах) и тексты на папирусах, которые находят в основном в Египте, содержат важную информацию. В частности, в папирусах находят сведения об организации армии, о провинциальном управлении и взаимоотношении местной администрации с центром. Иногда делаются «находки» в известных европейских собраниях и музеях. Таков заново открытый фрагмент папируса, т.н. «Кёльнский папирус». Он содержит греческий перевод речи Августа на похоронах М. Агриппы в 12 г. до н.э. В частности, там указаны полномочия ближайшего соратника Августа[71].

I.8. Монеты, памятники искусства и архитектуры

Благодаря усилиям ряда выдающихся специалистов по римской нумизматике: Г. Маттингли, Э. Сайденхэма, К. Сазерлэнда, М. Гранта и др., монеты уже немало рассказали о политике и идеологии времени триумвирата и прав-

---

69 Ehrenberg & Jones, Nr. 94a (Tabula Hebana), AE 1984. P. 508 (Tabula Siarensis), cf.: Crawford M. H. Roman statutes. 2 vols. L., 1996. Vol. I, Nr. 37–38. P. 507–543; Rowe G. Princes and political cultures. The new Tiberian senatorial decrees. Ann Arbor, 2002; Millar F. Imperial ideology in tabula Siarensis // Millar F. Rome… P. 350–359 etc. См.: Князев П. А. Кто смерти поддаться не должен был вовсе. Самара, 2005, в т.ч. публикации и переводы таблицы из Сиара и постановления о Гнее Пизоне (с. 46–75).

70 См.: Lebek W.D. Welttrauer um Germanicus. Das neu gefundene Originaldokument und die Darstellung des Tacitus // Antike und Abendland. 36. 1990. S. 93–102; Eck W. Die Täuschung der Öffentlichkeit. Der Prozess gegen Cnaeus Calpurnius Piso im Jahre 20 n. Chr. // Große Prozesse der römischen Antike. München, 1997. S. 128–145; Damon C. (Hrsg.). The Senatus consultum de Cn. Pisone Patre. Text, translation, discussion. Baltimore, 1999.

71 Публикации: Koenen L. Die Laudatio funebris… // ZPE. Bd. 5. 1970. S. 217–283 (= P. Köln I 10) etc. Издание, включающее вновь найденный фрагмент: Gronewald M. Ein neues Fragment der Laudatio Funebris des Augustus auf Agrippa // ZPE. Bd. 52. 1983. S. 61–62; Ehrenberg & Jones, doc. 366. Подробнее см. далее, раздел V.4 с примеч. 106 сл.

ления Августа[72]. Значение этого вида источников, по мнению некоторых исследователей, обусловлено тем, что монеты с их изображениями и легендами играли в античном мире ту же роль, что и современные средства массовой информации, доходя до самых глухих уголков ойкумены. Значение и достоверность данных, извлекаемых из монет, не остаются вне критики. При использовании данных нумизматики нелишне поставить некоторые вопросы. Неясно, в частности, какие надежды возлагало правительство на распространение определённых идей посредством монет, и соответственно, насколько серьезно оно подходило к созданию новых чеканов. От этого зависит, в свою очередь, оценка значимости извлекаемых из них сведений. Возникают также вопросы об адресатах «монетной пропаганды» (если таковая имела место) и ее эффективности, о создателях чеканов и адекватности содержания последних общественным настроениям.

Реставрационно-республиканская идеология «принципата» отражена на легендах, вроде IMP CAESAR COS VI LIBERTAS RP VINDEX или RESPUBLICA RESTITUTA. Подлинное содержание подобных лозунгов менялось в зависимости от политического контекста. Ценные наблюдения могут быть сделаны на основе изучения стилистики изображений портретов принцепсов и членов их семей, символов, вроде лаврового венка или предметов жреческого обихода. Во всяком случае, уже тот факт, что изображения и легенды менялись с переходом власти от одного правителя к другому и даже в соответствии с поворотами политики в рамках одного правления (причем без изменения номинала), свидетельствует, что правительство возлагало на монеты не только финансовые, но и определенные идеологические функции[73]. Дешифровка этого языка образов и символов помогает понять некоторые стороны информационной / идеологической политики «принципата». Из сравнительно недавних находок назовем приобретенный Британским музеем в 1995 г. ауреус 28 года до н.э. На реверсе изображен Октавиан, сидящий на курульном кресле (*sella curulis*), со свитком в правой руке. Надпись гласит: LEGES ET IVRA P R RESTITUIT. Содержание монеты не только подтверждает сообщение Кассия Диона о постепенном (а не единовременном)

---

72 Важнейшие публикации монет времени Августа: Mattingly H. Coins of the Roman Empire in the British Museum. 5 vols. L., 1923–1950; id. A Catalogue of coins of Roman empire. L., 1976 (repr. ed. 1923). Vol. I. Augustus to Vitellius; Carson R. A. G. Principal coins of the Romans. Vols. 1–2. L., 1978–1980; Sutherland C. H. V. and Carson R. A. G. The Roman imperial coinage. Vol. I. 31 B.C.–A.D. 69. L., 1984[2]; Mattingly H.; Sydenham E. A. The Roman imperial coinage. 10 vols. L., 1923–1994. Vol. I. Augustus to Vitellius, 31 v. Chr. — 69 n. Chr. (rev. ed.: Sutherland C. V. H. From 31 B.C.–A.D. 69. L., 1984 = RIC 1); Burnett A., Amandry M., Ripollès P. P. Roman Provincial Coinage (10 vols. 1992–). Vol. I: Julio-Claudian period. L., 2006[3]. Сравн.: Фролова Н. А., Абрамзон М. Г. Римские монеты в собрании Государственного Исторического музея. Каталог. Ч. 2. Ранняя империя. От Августа до Коммода. М., 2001. См. также раздел VII.9.

73 Jones A. Numismatics and history // Essays presented to H. Mattingly. Oxf., 1956. P. 13 ff.; Crump G. Coinage and imperial thought // The craft of the ancient historian. N.Y.; L., 1985. P. 425–441. О «пропагандистской войне» Октавиана и Антония см. разделы III.6 сл.

процессе «возвращения республики». Символика и надпись демонстрируют, сколь большое внимание уделялось при этом восстановлению законности и правопорядка[74].

При рассмотрении способов воздействия правительства на население необходимо также обратить внимание на общественные постройки. Такие сооружения всегда были элементом политики в античном мире, где карьера и даже судьба государственного деятеля зависели от престижа в гражданском коллективе. Все крупные римские политики, начиная с первых царей, стремились заслужить расположение и авторитет посредством сооружения водопроводов и клоак, крепостных стен и дорог, амфитеатров и храмов, устройства зрелищ и раздач. Театр Помпея и форум Юлия (хоть и недостроенный при жизни диктатора) были свежими примерами, указывавшими на значение «монументальной пропаганды». Август превзошел всех своих предшественников. Масштабы и детали строительной деятельности Августа раскрываются в ходе археологических работ и совершаемых на их основе исследований и реконструкций. Привлекаются также письменные источники. Неоценимые сведения о строительной технике своего времени сообщает Витрувий (вт. пол. I в. до н. э.), посвятивший Августу свои «Десять книг об архитектуре».

Строительная политика должна была не только продемонстрировать блага Августова «мира». Вырабатывался особый язык «образной пропаганды». Здания, алтари, скульптуры, малые формы служили обозначением определенных идей, напоминали о конкретных акциях, подчеркивали заслуги императора, его выдающиеся личные качества, сообщая образу правителя дополнительную «харизму». Особые задачи возлагались на грандиозные комплексы. Одним из них стал форум Августа — уникальное сооружение, представлявшее собой замкнутое архитектурное пространство с храмами, портиками, скульптурами, снабженными соответствующими надписями. Язык зрительных образов выражал идеологическую программу режима и был рассчитан на определенный психологический, а в конечном счете — политический эффект[75].

---

74 Опубликовано: Rich J. W. and Williams J. H. C. Leges et iura p. R. restituit: a new aureus of Octavian and the settlement of 28–27 B.C. // NC. Vol. 159. 1999. P. 169–213. Восстановление *"leges et iura p(opuli) R(omani) restituit"* вместо *"leges et iura p(opulo) R(omano) restituit"*, по Rich and Williams, убедительно предложил Mantovani D. Leges et iura p(opuli) R(omani) restituit: principe e diritto in un aureo di Ottaviano // Athenaeum. Vol. 96. 2008. P. 5–54. Мантовани также обратил внимание на другой экземпляр ауреуса, который с 1946 г. находится в коллекции музея города Блэкбэрна (Blackburn) на с.-з. Англии. О находке еще одного экземпляра такой монеты: Abdy R., Harling N. Two important new Roman coins // NC. Vol. 165. 2005. P. 175–177.

75 Данный аспект идеологической политики Августа систематически рассмотрен в книге известного германского ученого Пауля Цанкера: Zanker P. Augustus und die Macht der Bilder. München, 1987 (engl.: The power of images in the age of Augustus. Ann Arbor, 1988), 2009[5]. Далее названы также другие работы ученого.

Среди многочисленных археологических памятников Рима, рассматриваемых в соответствующих разделах данной книги, следует назвать Алтарь Августова мира (*Ara Pacis Augustae*). Как сам алтарь, так и высеченные на нем изображения являются не только ценными источниками по идеологии Августова «принципата», они рассказывают о религиозных ритуалах и даже о членах семьи принцепса. Алтарь представлял собой часть большого археологического комплекса в северной части Марсова поля (*campus Martius*). Он привлек к себе особое внимание после того, как в 1979–1981 гг. были обнаружены остатки грандиозного сооружения, связанного с наблюдениями за солнцем. Так называемый горологий (*horologium*), упоминаемый Плинием Старшим (Plin. n. h. XXXVI. 72–73) был установлен Августом в 10 г. до н.э. Его главным элементом был доставленный из Египта обелиск. Исследователь горология Э. Бюхнер на основе находок и слишком далеко зашедших догадок предложил эффектное объяснение, основанное на космологических построениях. Оно увлекло не только широкую общественность, но было также принято авторитетными учеными, пока не обнаружились серьезные погрешности в астрономических и математических рассчетах. Это один из примеров драматургии, на протяжении веков и десятилетий «украшающей» историю изучения Августова правления. Но и за вычетом постоянно появляющихся в средствах массовой информации сообщений о «сенсационных» находках, успехи римской археологии достаточно внушительны[76].

Поскольку в фокусе рассмотрения находится Рим как центр империи, мы не будем останавливаться на серьёзных достижениях археологии провинций. Ограничимся здесь двумя примерами. Новые находки на правом берегу Рейна подтверждают серьезность планов Августа по завоеванию Большой Германии. Впечатляет обнаружение ряда постоянных военных лагерей, принадлежавших императору рудников по добыче свинца, городского поселения Вальдгирмес в долине Лана. Как известно, попытка Августа создать провинцию *Germania magna* потерпела крах после гибели легионов Вара в 9 г. н.э.[77]

Процесс формирования идеологии нового режима отразился в памятниках основанного Октавианом города Никополь на северо-западном побережье Греции. Там, на террасе, возвышающейся над городом, где располагался

---

[76] Сооружения времени Августа в северной части Марсова поля рассматриваются в разделах VIII.3–5. К разряду гипотез относится пока трактовка раскопанного в последние годы позднереспубликанского строения у подножия Палатина как дома, где родился будущий император Август (см. также раздел VIII.8).

[77] Обзор проблематики: Межерицкий Я. Ю. Римская экспансия и гибель легионов Вара в 9 г. н.э. // Норция. Вып. VI. Воронеж, 2009. С. 80–112; его же. Colonia Claudia ara Agrippinensis / Кёльн — центр Римской провинции Нижняя Германия // «Античный мир и археология». Вып. 15. Саратов, 2011. С. 100–147, где также указаны важнейшие публикации. Открытие в 2011 г. еще одного римского лагеря времени походов Друза на реке Липпе подтверждает, что последнее слово в римской археологии Большой Германии еще не сказано. Речь идет о раскопках вблизи небольшого местечка Ольфен (Olfen), недалеко от Мюнстера.

его военный лагерь, был построен мемориал по случаю победы при Акции. Лицевую стену огромного памятника украшали бронзовые тараны, снятые с кораблей Антония и Клеопатры. Частично сохраненная латинская надпись была посвящением Нептуну и Марсу (сравн.: Suet. Aug. 18.2). Раскопки ведутся там с 1913 г. Сравнительно недавно было обнаружено более 21 тыс. фрагментов скульптурного фриза. Он украшал алтарь или пьедестал, стоявший в центре террасной платформы. На фризе изображены суда, возможно, также Амазономахия, военные трофеи. Центральное место должен был занимать Октавиан, едущий в триумфальной процессии в сопровождении видных римлян, а также представителей других народов. Это, по-видимому, было первое такого рода изображение принцепса. В триумфальной колеснице его сопровождают два ребенка (мальчик и девочка). Среди предположений специалистов: Александр Гелиос и Клеопатра Селена (дети Марка Антония и Клеопатры); Юлия и Друз (дочь Августа и его пасынок); Антоний и Клеопатра, бюсты которых были выставлены напоказ в триумфе. Полная публикация материалов должна дать пищу для новых предположений и выводов[78].

Изучение архитектурных памятников и других археологических материалов Рима, Италии и провинций вносит все более существенный вклад в раскрытие тех аспектов политической и культурной жизни, которые не отразились в трудах античных авторов. Сложнейшей задачей является интерпретация постоянно менявшихся знаковых языков, характерных для каждого из видов памятников. Необходимо знать, к кому были обращены те или иные средства пропагандистского воздействия или идеологического общения правительства и народа. В отличие от монет, без которых не обходились представители всех сословий в разных уголках Империи (но которые, по мнению некоторых исследователей, чаще всего чеканились для выплаты солдатам), постройки предназначались прежде всего для жителей столицы и других городов, официальные надписи — для представителей администрации и имеющих досуг привилегированных слоев населения крупных городов, а поэзия и историография были рассчитаны на интеллектуальную элиту, которую стремились расположить к себе все разумные правители. Для правильного прочтения информации, заключенной в словах и художественных средствах, важно учитывать, что каждый предмет и знак, который часто по необходимости рассматривается изолированно от создавшей его среды, был рассчитан на восприятие в определенном контексте, в котором он только и получал свое истинное освещение, звучание, смысл. Восстано-

78 Murray W. M., Petsas P. M. Octavian's campsite memorial for the Actian war // TAPS Vol. 79, 4. 1989; Zachos K. L. The tropaeum of the sea-battle of Actium at Nikopolis: interim report // JRA. Vol.16. 2003. P. 65–92; Zachos K L. Nikopolis // ibid. P. 93–107; Edmondson J. Augustus. P. 13 f.

вить эту изначальную семантику знаков и текстов — одна из первейших задач исторического исследования.

I.9. Последующая античная традиция

Исторические сочинения и другие литературные памятники, созданные в послеавгустовскую эпоху, являются вторичными (производными) источниками. Это значит, что они написаны на основе произведений современников событий, оказавшихся в основной своей массе утраченными. Но хотя они светят отраженным светом, не приходится их недооценивать, тем более что без них было бы невозможно создание связной истории эпохи. Несмотря на серьезные потери, речь идет об обширном литературном корпусе, состоящем из произведений различных жанров и направлений, написанных на одном из ведущих языков Римской империи, греческом или латинском.

Важным свидетелем эпохи был автор «Римской истории» Веллей Патеркул (20/19 гг. до н.э. — ок. 31 г. н.э.). Первую половину своей сознательной жизни он прожил при Августе, но уже тогда служил под командованием Тиберия. С его приходом к власти Веллей чувствовал себя особенно связанным с этим императором. Преданный службе офицер стремился всегда «идти в ногу» с вышестоящими, следовать в своих оценках официальному курсу. Поэтому известное суждение о том, что Август и в самом деле восстановил «старинную форму правления» (Vell. II.89.4), можно воспринимать как цитирование некоего правительственного заявления Тиберия. Не исключено, что это интерпретация несколько прямолинейно мыслившего офицера. В труде, посвященном вступлению в должность консула 31 г. н.э. Марка Виниция, Веллей предстает как искренний приверженец нового порядка, типичный представитель италийского среднего класса[79]. К сожалению, сочинения его более профессиональных современников, историков, критично относившихся к режиму, не сохранились. Откровенно льстивые по отношению к Августу оценки содержатся в собрании исторических примеров — «Памятных деяниях и изречениях» Валерия Максима, который в 31 г. посвятил свой труд Тиберию[80].

---

79 Новейшее издание: Watt W. S. (Hrsg.) Vellei Paterculi historiarum ad M. Vinicium consulem libri duo. Stuttgart, 1988 (verbessert: 1998²); Комментарий: Woodman A. J. Velleius Paterculus: The Caesarian and Augustan narrative (2.41–93). Cambr., 1983 (paperback 2004); Schmitzer U. Velleius Paterculus und das Interesse an der Geschichte im Zeitalter des Tiberius. Heidelberg, 2000. Также см. комментированный перевод со вступительной статьей: Немировский А. И., Дашкова М. Ф. «Римская история» Веллея Патеркула. Воронеж, 1985 (Первое изд.: ВДИ. 1983. N 4; 1984. № 1–4; 1985. № 1); переиздано: Малые римские историки. Веллей Патеркул. Анней Флор. Луций Ампелий. Изд. подг. А. Немировским. М., 1995.

80 Valerius Maximus. Factorum et dictorum memorabilium libri IX. Hrsg. von C. Kempf. Teubner, 1888 etc.; Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения. Пер. с лат. С. Ю. Трохачева. СПб., 2007 со статьей Трохачева «Валерий Максим и его история в поучительных анекдотах» (с. 3–15). См. также: Wiegand I.

Время Августа очень скоро заняло особое место в историческом сознании римлян, и к нему в связи с различными сюжетами обращались многие авторы. Сын Сенеки Ритора (см. раздел I.5), известный писатель, философ-моралист и крупный политический деятель Сенека Младший (Философ) должен был помнить обстановку последних лет жизни Августа и был о многом наслышан от своего отца. Его образование и опыт дали этому незаурядному человеку возможность первым глубоко осмыслить природу нового режима. Эссе, трактаты, трагедии сделали Сенеку популярнейшим писателем. В свою очередь, это дает основание считать наблюдения и политические оценки философа достоверным отражением эпохи[81].

К поколению людей, уже не заставших в живых основателя Империи, относится ученый-энциклопедист, крупный императорский чиновник Плиний Старший (23–79 гг. н.э.)[82]. Он служил в Германии, где установил дружеские отношения с будущим императором Титом. При Веспасиане и Тите Плиний был императорским прокуратором, командовал мизенским флотом. На этом посту он погиб во время извержения Везувия (Plin. ep. VI.16). Исторические сочинения Плиния не сохранились, ряд важных упоминаний об Августе содержится в «Естественной истории» в 37 книгах. Предисловие к труду, посвященное Титу, наполнено лестью и восхвалениями в его адрес. С другой стороны, на страницах сочинения часто встречается осуждение в адрес Юлиев-Клавдиев, особенно Нерона, который был для него «бичом и врагом рода человеческого» (Plin. n. h. VII.8 (6). 45). Известный отрывок из VII книги, посвященный Августу, появляется в связи с обсуждением вопроса об удаче. Плиний показывает, что даже в судьбе человека, которого весь свет считает счастливым, было немало неблагоприятных поворотов судьбы. Каталог болезней, семейных неурядиц, военных поражений и политических неудач превосходит все, что известно из других источников[83].

Nequere libere neque vere. Die Literatur unter Tiberius und der Diskurs der res publica continua. Tübingen, 2013. Bes. S. 1 ff.; 33 ff.; 106–146 (Velleius), 147–183 (Valerius Maximus) etc.

81 См.: Jal P. Images d'Auguste chez Sénèque // REL T. 35 (8). 1957. P. 242–264; Griffin M. T. Seneca: a philosopher in politics. Oxf., 1976; Межерицкий Я. Ю. Принципат Юлиев-Клавдиев в произведениях Сенеки // Из истории античного общества. Горький, 1979. С. 95–109; Грималь П. Сенека, или совесть империи. Пер. с фр. М., 2003; Шалимов О. А. Образ идеального правителя в Древнем Риме в сер. I — нач. II в. н.э. М., 2000. С. 19–22, 40–61, 144–164. См. также раздел IX.7.

82 C. Plinii Secundi naturalis historiae libri XXXVII. Stuttgart, 1967–2002. См.: Альбрехт М. История римской литературы. Т. 2. М., 2004. С. 1376—1388; Tränkle H. Augustus bei Tacitus, Cassius Dio und dem alteren Plinius // WSt. NF 3. 1969. 108–130, hier 121; Tautz B. Das Bild des Kaisers Augustus in der Naturalis Historia des Plinius. Trier, 1999.

83 Plin. n. h. VII. 147–150. В том числе упомянуто, что Октавиан три дня вынужден был провести в болоте во время битвы при Филиппах, многократно хотел покончить с собой, сообщается о плане его дочери Юлии убить отца и о страданиях принцепса после гибели легионов Вара.

Его младшим современником, расцвет творчества которого относился к эпохе Антонинов, был выдающийся историк раннеимператорской эпохи Корнелий Тацит (ок. 55–120 гг. н.э.). «Анналы» Тацита начинаются с подведения итогов правления Августа и описания прихода к власти его преемника Тиберия — «пролог» (Tac. ann. I.1–5 etc.). Важны также сообщения, разбросанные по всему корпусу сочинений. Интерес представляют не только сообщаемые историком факты, но и общие суждения, основанные на критическом подходе к основанному Августом режиму[84]. Картина, представленная Тацитом, была отправным пунктом самых строгих обличителей Августа в историографии нового времени.

Из более поздних латинских текстов важно жизнеописание Августа, составленное Гаем Светонием Транквиллом (ок. 70 — ок. 140 гг. н.э.). Он находился на государственной службе уже в правление Траяна, а при Адриане возглавлял ведомство *ab epistulis* в императорской канцелярии. Биографии первых двенадцати «Цезарей» основаны поэтому не только на сообщениях современников, но и на архивных документах. Добротная информация систематизирована по рубрикам, представляя как апологетическую, так и враждебную императорам традиции. Монархическая сущность режима была для Светония само собой разумеющимся фактом[85]. В то же время в центре его рассмотрения находились моральные качества императоров, которые оценивались по их *virtutes.* В этом отношении императорский служащий Светоний не сильно отличался ни от панегириста Веллея Патеркула, ни от представителей сенатской историографии анналистического направления. Тацит также заявлял о намерениии приводить только те высказывания в сенате, которые представлялись «либо достойными всяческой похвалы, либо примечательными по своей исключительной низости». Он считал «главнейшей обязанностью анналов сохранить память о проявлениях добродетели и противопоставить бесчестным словам и делам устрашение позором в потомстве» (Tac. ann. III. 65.1). Эта моралистическая установка была характерна и для Августа, который призывал возвратиться к доблестям и добродетелям «предков».

В жанре биографической литературы работал также известный греческий философ-моралист Плутарх из Херонеи (ок. 46 — после 119 гг. н.э.).

---

84 Среди комментированных изданий и комментариев Тацита особенно важны: Furnenaux H. The Annals of Tacitus. Vol. I. Books I–VI. Oxf., 1896; Koestermann E. Annals I. Buch. 1–3. Heidelberg, 1983; Goodyear F. R. D. The Annales of Tacitus. Vol. I. 1–54. Cambr., 1972. См. также: Gerber A; Greef A. Lexicon Taciteum. Leipzig, 1903; Suerbaum W. Vom antiken… S. 71–127. См. также раздел IX.3.

85 Suetonius. Divus Augustus. Ed., introd., comm. by J. M. Carter. Bristol, 1982. См. также: Гаспаров М.Л. Светоний и его книга // Светоний Транквилл, Гай. Жизнь двенадцати Цезарей. М, 1964 (и переиздания). С. 263–278; Штаерман Е.М. Светоний и его время // там же. С. 249–262; Wallace-Hadrill A. Suetonius: The scholar and his Caesars. L., 1995^{2}; Lambrecht U. Herrscherbild und Principatsidee in Suetons Kaiserbiographien: Untersuchungen zur Caesar- und zur Augustus-Vita. Diss. Bonn, 1984 etc.

В его «Параллельных жизнеописаниях» в данном контексте особенно важны биографии Юлия Цезаря, М. Юния Брута, Антония и Цицерона. В них противоречиво соединяются промонархическая и республиканская оценки событий после смерти Цезаря, берущие начало из различных первоисточников[86].

Важнейшим из сохранившихся повествований о последнем отрезке эпохи Республики является «История Рима» в 24 книгах греческого историка (и крупного императорского служащего) из Александрии Аппиана (ок. 100–170 гг. н.э.). Особый интерес представляют книги XIII–XVII с описанием гражданских войн, где изложение доведено до 35 г. до н.э. (смерть Секста Помпея). Четыре книги с описанием войны Октавиана с Антонием и Клеопатрой, а также еще три о времени от Августа до Траяна не сохранились. Аппианом использованы сочинения, написанные в конце правления Августа и в первые годы Тиберия, которые в свою очередь восходят к историческим книгам Азиния Поллиона, Тита Ливия, Кремуция Корда, а также мемуарам самого Августа и Валерия Мессалы[87].

Рассказ о времени Августа содержится в «Римской истории» в 80 кн. греческого писателя Кассия Диона Коккеяна (ок. 160–235 гг. н.э.). Он был крупным администратором Империи. При Септимии Севере (в нач. III в.) этот уроженец Никеи в Вифинии (М. Азия) достиг первого консулата. Исторический труд был доведен до второго консульства Диона (229 г., когда правил уже Север Александр). Почти полностью сохранились лишь кн. XXXV–LIV, описывающие события с 68 по 10 гг. до н.э. Дальнейшее повествование имеется в сокращенном изложении византийских авторов XI–XII вв., в частности, у Иоанна Зонары, пользовавшегося извлечениями Ксифилина.

Дион Кассий был искушен в правилах придворной жизни, знал, что документы могли уничтожаться и фальсифицироваться. Он говорит об этом, рассказывая о событиях 27 г. до н.э., в частности заметив, что многое произошедшее после этого «осталось неизвестным» (Dio LIII. 19. 2–4). При описании событий времени Республики и Ранней Империи Кассий Дион пытался осмыслить политические проблемы своего времени. Убежденно-

---

86 Plutarchi vitae parallelae (Teubner). 4 Bd. Stuttgart; Leipzig, 1960–1996; Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-тт. Пер. с древнегреч. С. П. Маркиша. М., 1961–1964 (Переизд.: СПб., 2001). См.: Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография. М., 1973 (переизд. в его кн.: Образ античности. СПб., 2004). Дальнейшие указания на лит. см.: Hünemörder Chr. Plutarchos // DNP. Bd. 9. 2000. Sp. 1159–1175.

87 Аппиан Александрийский. Римская история. Пер с древнегреч. под ред. С. А. Жебелева, О. О. Крюгера, Е. С. Голубцовой, Л. Л. Кофанова. М, 2002 (см. также приложения). Об Аппиане: Машкин Н.А. Принципат Августа. С. 117–119; Заборовский Я. Ю. Аппиан и римская *civitas* в последний век существования Республики: к вопросу об источниках и характере «Гражданских войн» Аппиана // ВДИ. 1981. № 4. С. 138–144; Gabba E. Appiano e la storia delle guerre civile. Florence, 1956; ANRW II. Bd. 34,1. 1993. S. 339 ff. (несколько важных работ об Аппиане) и др.

му стороннику монархии приходилось задумываться о сохранении привилегий сенаторского сословия и способах ограничения деспотического произвола[88]. Он отрицательно оценивал цезареубийц, представлявших себя как освободителей, но ввергших государство в хаос. Особый интерес представляет фиктивное сопоставление точек зрения Агриппы и Мецената о перспективах развития Римского государства после Акция. Развивая мысль о необходимости единоличного правителя при наличии авторитетного сената, Дион устами Мецената выражает свое представление об оптимальном управлении Империей (Dio LII). Историк высоко оценивает Августа как сумевшего соединить «демократию» с монархией, свободу с безопасностью и порядком (Dio LIII.11f., 20). Хотя Кассий Дион, как и другие авторы времени Империи, плохо ориентировались в специфике республиканских установлений, использовавшихся при оформлении нового режима, данные «Римской истории» о конституционном развитии Августова «принципата» заслуживают самого внимательного анализа[89].

Наибольшие трудности при использовании поздних источников[90] обусловлены тем, что возникает необходимость вычленения дошедшей в них достоверной информации из повествования, в котором она подвергнута некоторым искажениям. Здесь сказалась не столько умышленная фальсификация, которой больше грешили современники, сколько неизбежное переосмысление материала с позиций иной эпохи. Это можно себе представить как переструктурирование смыслов в менявшемся политическом

---

88 Millar F. A study of Cassius Dio. Oxf., 1964, esp. p. 74–77; Manuwald B. Cassius Dio and Augustus… Buch 45–56. Wiesbaden, 1979; Bleicken J. Der politische Standpunkt Dios gegenüber der Monarchie (1962) // idem. Gesammelte Schriften II. Stuttgart, 1998. S. 876–899; Rich J. W. Dio on Augustus // Cameron A. (ed.). History as text: the writing of ancient history. L., 1989. P. 86–110; Марков К. В. К вопросу о хронологии работы Диона Кассия над «Римской историей» // ВДИ 2008. № 2; Махлаюк А. В., Марков К. В. Историк и вызовы современности: «Римская история» Диона Кассия как памятник исторической и политической мысли III в. н.э. // ВДИ. 2008. № 2; Махлаюк А. В. Первый век принципата в «Римской истории» Кассия Диона // Из истории античного общества. Н. Новгород, 2010. Вып. 13. С. 216–246; Марков К. В. Consilium principis в концепции идеальной монархии Диона Кассия // Studia historica. Vol. 4. М., 2004. С. 121–125. Сравн. далее, раздел IV.8.

89 Некоторые новые издания, коммент. и переводы: См.: Reinhold M. From republic to principate. A historical commentary of Cassius Dio's Roman history Books 49–52 (36–29 B.C.). Atlanta, 1988; Rich J. W. (ed. and trans.) Cassius Dio: The Augustan settlement (Roman History 53–55.9). Warminster, 1990; Swan P. M. The Augustan succession: an historical commentary on Cassius Dio's "Roman history", books 55–56 (9 B.C.–A.D. 14). Oxf., 2004; Кассий Дион. Римская история. Книга LII. Пер. с древнегреч. К. В. Маркова под ред. А. В. Махлаюка; комм. А. В. Махлаюка // ВДИ. 2008. № 2. С. 218–235; № 3. С. 254–267. См. также: Кассий Дион. Римская история. Книги LVII и LVIII в пер. В. М. Строгецкого // Методические указания к семинарам по истории Древнего Рима, Горький, 1983, 1984, 1985, 1987; Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV–LXXX. Перевод с древнегреч. А. В. Махлаюка, К. В. Маркова, Н. Ю. Сивкиной, С. К. Сизова, В. М. Строгецкого. СПб., 2011.

90 Некоторые важные детали сообщают авторы компиляций, позднеантичных бревиариев, хроник и других трудов. В их числе Авл Геллий, Евтропий, Секст Аврелий Виктор, Павел Орозий и некоторые неизвестные авторы. См. полезную подборку переводов: Парфенов В. Н. Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб., 2001. Раздел «Август и его эпоха глазами позднеримских историков», с. 224–253.

и культурном контексте. Более того, поскольку речь идёт о переходной эпохе, то перемены были кардинальными и относительно быстрыми. Представляется, что мало кто из античных (как и современных) историков был способен оценить как размах проведенных тогда преобразований, так и масштаб осуществлявших их личностей. Восстановление первоначальных значений требует, и особенно настоятельно там, где речь идет о трактовке и оценке событий, проверки поздних сообщений с помощью пусть фрагментарных и скудных, но синхронных первоисточников. Эти нюансы, различия в подходе к информации разновременного происхождения имеют принципиальное значение для изучения идеологии, общественного сознания и психики[91].

Следует учитывать целый ряд особенностей античной историографии, накладывающих отпечаток на картину эпохи. Историки Рима были прекрасными рассказчиками. Многие из них уделяли большое внимание сбору информации, изучению документов, беседам с участниками и очевидцами описываемых событий. Они глубоко анализировали материал. В то же время эти авторы не замечали многих сторон действительности, о которых мы хотели бы знать. И дело здесь не только в недостаточной информированности, но также в круге интересов: мы ставим вопросы, которые тогда не возникали (как и наоборот). Основное внимание уделялось происходившему в столице. В поле зрения традиционно были войны, тем более, что армия и полководцы стали важными политическими игроками. С установлением единоличной власти внимание все больше сосредоточивалось на взаимоотношениях и интригах в рамках императорского двора. События объяснялись в основном психологическим и персональным факторами. Для римских историков характерны ссылки на моральное состояние общества. Расположение богов, решавших в конечном счете судьбы Рима и отдельных императоров, зависело от почтительного к ним отношения и соблюдения традиций. Политическая философия более глубоко осмысливала проблемы общества и государства, но ее достижения редко находили приложение в исторических повествованиях. Отсутствие статистики или прикладной социологии, математических методов исследования общественных явлений или моделирования — все это было не просто «недостатком» античной на-

[91] Исследователи обращали внимание на искажения, допускавшиеся античными авторами вследствие изменившейся политической ситуации. Но речь шла, как правило, о некоторых конкретных аберрациях. Для Тацита и Светония (как и уже для Сенеки Младшего) важно было акцентировать внимание на положительных или отрицательных чертах правления тех или иных императоров, как и самих личностей. В какой-то мере это отвечало пропедевтическим задачам историографии — демонстрации хороших и плохих примеров для современных правителей. Вопрос о государственно-правовой форме как таковой для этих авторов, в сущности, уже не стоял. Об этом, в частности: Vittinghoff F. Der Staatsfeind in der römischen Kaiserzeit. Untersuchungen zur damnatio memoriae. Bonn, 1936; Scheid J. La mort du tyran. ique de quelques morts programmées // Du châtiment dans la cité. Rome, 1984. P. 177–190, cf.: Jacques F.; Scheid J. 1998. Rom und das Reich in der hohen Kaiserzeit. Bd. I. Die Struktur des Reiches. S. 4.

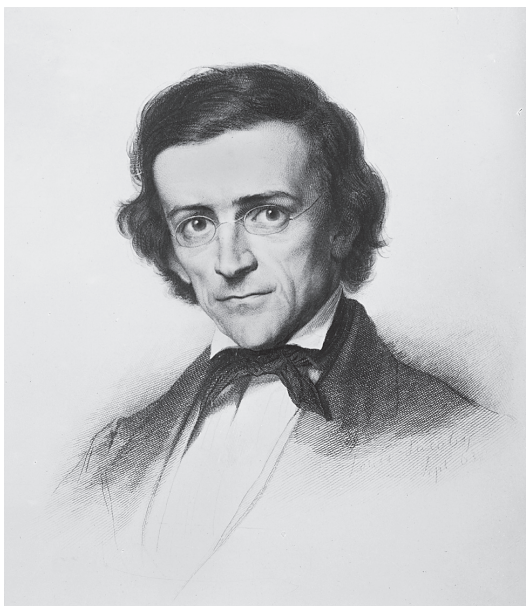
уки, а отражало качественные особенности общества, вытекало из определенного образа мыслей. Жизнь простых людей, политические взгляды различных слоев населения, как и многие другие области жизни, не привлекали специального внимания античных историков.

Исследователям нашего времени, в соответствии с запросами общества и интересами читающей публики, приходится реконструировать целый ряд важных элементов, особенно относящихся к мыслительной и психической сферам. Без этого невозможно объяснение исторических событий, отвечающее на вопросы современности. Привлекаемый во все большем объеме массовый материал, в том числе археологический и эпиграфический, в совокупности с литературными источниками, позволяет создавать все более полную и убедительную картину прошлого. Постепенно она обогащается деталями, красками, измерениями. Заметное место заслуженно занимает та сфера, которая составляет главную специфику человека и общества: переживания и размышления, надежды и заблуждения, идеи и лозунги, психические и мыслительные структуры. Невидимые, они определяют жизнь индивида и общества в целом. В современной литературе вся эта материя обозначается словом «менталитет». Реконструировать ее структуру двухтысячелетней давности на основе сохранившихся источников — задача не одного поколения историков[92].

---

92 Одним из первых, кто подчеркнул важность этой материи, и в частности, применительно к Ранней Империи, был Георгий Степанович Кнабе. Он подчеркнул, что говорить о «республиканизме» Римской империи как об обмане было бы недопустимым упрощением. Ученый высказал мысли, которые могут рассматриваться как подступы к разгадке уникальности принципата. Приведём их в одной из первых авторских редакций: «Переход от Республики к Империи непосредственно выражался в том, что вооружённые силы государства перешли в подчинение одного человека — их главнокомандующего, императора, который благодаря этому и получил возможность проводить политику, учитывавшую интересы всей бескрайней державы, а не только олигархии города Рима. В новых условиях и для решения новых задач принцепсы должны были бы разрушить некогда сложившийся в недрах городской общины и приспособленный к её нуждам аппарат управления и уничтожить сенат, воплощавший интересы старой республиканской аристократии. В призывах и поползновениях такого рода недостатка не было, физическая возможность их осуществления тоже была очевидна всем. И тем не менее императоры ею ни разу не воспользовались. И в окружавшем их обществе, и в глубине их собственной души этому, очевидно, противостояла сила, которую не могли одолеть никакие легионы. Республиканский аппарат управления сохранился полностью. В официально идеализированном представлении император правил не потому, что располагал вооружённой силой, а потому, что его в соответствии с республиканским законом утвердил сенат… Императорам ничего не стоило с помощью военной силы вынудить то или иное сенатское постановление. Соответственно, решение сената не имело, казалось бы, никакого значения, но те же императоры не воспринимали свою власть как подлинную, пока она не было утверждена сенатом» (Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. М., 1981. С. 33, сравн. его же. Древний Рим — история и повседневность. М., 1986. С. 27. Эта мысль неоднократно высказывалась Георгием Стапановичем и в других работах).

II. Интерпретации принципата и «восстановленной республики»



II.1. *Теодор Моммзен*

1. *Современная августиана — 61*

2. *О трактовках принципата и «восстановленной республики»: до Моммзена включительно — 68*

3. *Обращение к неправовым источникам власти. Теории «фасада» — 72*

4. *«Республиканизм» как существенный фактор политики Августа — 84*

5. *Лабиринты «восстановленной республики» — 108*

6. *«Республиканские» и «имперские» горизонты изучения Августова Рима — 115*

II.1. Современная августиана

Литература по Римской истории переходного периода и времени Августа насчитывает тысячи названий, прикнижные библиографии составляют десятки страниц[1]. Попытка систематического анализа историографии Августова принципата примерно до последнего десятилетия XX века предпринята в предыдущей книге автора[2]. Данная глава состоит из двух неравных частей. Первый раздел носит характер обзора литературы, последующие имеют целью представить идеи, стимулирововавшие наши поиски.

Введением в историографию Августова века может служить раздел монографии Н. А. Машкина, которая, вместе с многочисленными статьями, явилась эпохой в истории отечественной августианы. Поскольку историографическая глава написана в условиях партийной цензуры, необязательно относить хлесткие оценки зарубежных («буржуазных») коллег только на счет автора[3]. Ценным дополнением является обзор М. Л. Гаспарова[4]. Проблемы истории, идеологии и культуры Поздней Республики и Ранней Империи ис-

---

[1] Наиболее важные обзоры: Wickert L. Princeps (civitatis) // RE XXII 2.1954. Sp. 1998–2296; id. Neue Forschungen zum römischen Prinzipat // ANRW Bd. II.1. S. 3–76; Haller B. Augustus und seine Politik: Ausgewählte Bibliographie // ANRW Bd. II.2. S. 55–74; Kienast D. Augustus. Prinzeps und Monarch. Darmstadt, 2009[4]. S. 531–577. У Д. Киниста полезны также краткие, но содержательные сводки по частным вопросам, помещенные в подстрочных примечаниях. Такого же рода постраничные примечания, собранные в конце книги, с библиографией, имеются в биографии Августа, написанной Й. Бляйкеном (Bleicken J. Augustus. Reinbek, 2010[2]. S. 689–792). Обширную библиографию содержит указанный далее X том Кэмбриджской древней истории. Англоязычная литература преобладает в книгах Б. Левик (Levick B. Augustus. N. Y., 2010) и Дж. Эдмондсона (Edmondson J. (ed.). Augustus. Edinburgh, 2009, в т.ч. см. редакторское введение на с. 1–29 и библиогр. на с. 509–530). В новой книге Hoff R, Stroh W., Zimmermann M. Divus Augustus. S. 295–331 даны краткие раздельные обзоры литературы по истории, археологии и литературе времени Августа.

[2] Межерицкий Я. Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга, 1994 (Далее: МРМА). С. 33–112 (историография), 384–393 (библиография). Новые аналитические обзоры: Hurlet F. Une décennie de recherches sur Auguste. Bilan historiographique (1996–2006) // Anabases. T. 6 Toulouse, 2007. P. 187–218; Hurlet F., Dalla Rosa A. Un quindicennio di ricerche su Augusto. Un bilancio storiografico // Studi classici e orientali. T. 55. Pisa, 2009. P. 169–233.

[3] Машкин Н. А. Принципат Августа. М.–Л., 1949. Раздел «Принципат в историографии нового и новейшего времени». С. 338–376.

[4] Гаспаров М. Л. Зарубежная литература о принципате Августа // ВДИ. 1958. N 2. С. 221–233. Также и другие работы этого выдающегося знатока литературы века Августа в полной мере сохраняют свою актуальность (см. библиографию).

следованы в работах С. Л. Утченко[5], Е. М. Штаерман[6], Г. С. Кнабе[7], А. И. Немировского[8] и ряда других ученых. Книга И. Ш. Шифмана остается полезным введением в изучение времени Августа[9]. Важные аспекты становления императорского культа исследованы в статьях И. С. Свенцицкой[10]. Проблематика истории раннего принципата широко представлена в работах А. Б. Егорова[11]. Монографии и статьи В. Н. Парфёнова освещают важные аспекты деятельности Августа и его правления, в первую очередь военную политику[12]. Работы А. Л. Смышляева посвящены изучению проблем провинциального управления и анализу современной литературы по Ранней Империи и Поздней Республике[13]. Становление власти Октавиана-Августа рассматривалось в монографии и статьях Ф. А. Михайловского[14]. Ряд интересных, хотя и спорных наблюдений содержится в опубликованной диссертации А. Н. Токарева об идеологии Августова принципата[15].

Из обобщающих трудов, которые освещают Августов век, следует выделить X том второго издания «Кэмбриджской древней истории» (1996)[16].

---

5 Утченко С. Л. Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения Республики (Из истории политических идей I до н.э.). М., 1952; его же. Кризис и падение Римской республики. М., 1965; его же. Политические учения… и другие работы.

6 Штаерман Е. М. Эволюция идеи свободы в Древнем Риме // ВДИ. 1972. № 2. С. 41–61; ее же. От гражданина к подданному // Культура Древнего Рима: в 2 т. (отв. ред. Е. С. Голубцова). М., 1985. Т. 1. С. 22–105; Штаерман Е. М. К проблеме возникновения государства в Риме // ВДИ. 1989. № 2. С. 76—94; ее же. Кризис античной культуры. М., 1975; ее же. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987 и др.

7 Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. М., 1981; его же. Древний Рим — история и повседневность. М., 1986; его же. Рим Тита Ливия — образ, миф, история // Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. III. М., 1993. С. 590–655; его же. Римское общество в эпоху ранней империи // История древнего мира. Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. М., 1982 (и переиздания). Кн. III. С. 76–105 и др.

8 Немировский А. И. Веллей Патеркул и его время // Немировский А. И., Дашкова М. Ф. «Римская история» Веллея Патеркула. Воронеж, 1985. С. 3–49; коммент.: С. 159–187; Малые римские историки. Веллей Патеркул. Анней Флор. Луций Ампелий. Перевод с лат. с коммент. А. И. Немировского. М., 1996 и др.

9 Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л., 1990.

10 См. далее, примеч. 31.

11 Егоров А. Б. Рим на грани эпох: Проблемы зарождения и формирования принципата. Л., 1985; его же. Добродетели щита Августа // Античный мир. Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 280–293; его же. Вопрос о роли римского сената в политической системе принципата в историографии XIX–XX вв. // Мнемон. СПб., 2002. С. 175–190 и др. (см. также раздел II.6).

12 Парфёнов В. Н. Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов, 1987; его же. Император Цезарь Август… и др. Ряд статей указан в последующих главах и в библиографии.

13 Смышляев А. Л. Римская императорская власть эпохи принципата в современной зарубежной историографии // РЖ. Общественные науки за рубежом. Серия 4. Государство и право. 1991. 5. С. 67–78; его же. Народ, власть, закон в позднереспубликанском Риме (по поводу концепции Ф. Миллара) // ВДИ. 2003. № 3. С. 46—60 и др. См. далее, раздел 6, с примеч. 158 сл.

14 Михайловский Ф. А. Власть Октавиана-Августа. М., 2000.

15 Токарев А.Н. Становление официальной идеологии принципата императора Августа. Харьков, 2011 (см. раздел II.7).

16 Bowman A. K., Champlin E., Lintott A. (eds.) The Augustan Empire 43 B.C. – A.D. 69. CAH^2. Vol. X Cambr., 1996. Сохранил свое значение соответствующий том первого издания: CAH X. Ed. by S. A. Cook, S. A. Adcock, M. P. Charlesworth. Cambr., 1934.

Главы, написанные рядом ведущих исследователей (Кр. Феллинг, Дж. Крук, Э. Грюн, Э. Уоллис-Хэдрилл, Р. Талберт, А. Баумен, Н. Пэрсел, С. Р. Ф. Прайс и др.), раскрывают политическое, экономическое и культурное своеобразие эпохи. Большой интерес представляют обобщающие работы А. Хойса, К. Криста, В. Дальгайма, Дж. Шайда, К.Уэллса и другие, которые содержат к тому же историографические разделы и обширные библиографии[17]. Целый ряд исследований последних десятилетий во многом уточнили наше понимание политической и государственно-правовой структуры Ранней Империи. Среди них — труды Ф. Миллара, Э. Флайга, Й. Бляйкена и др.[18]

Различные аспекты изучения истории и культуры раннеимператорской эпохи отражены в грандиозном международном издании «Подъём и упадок Римского мира», которое состоит уже из более чем 40 томов и насчитывает более тысячи авторов[19]. Не потеряли своего значения подборки важных статей прошлых десятилетий в сборниках серии “Wege der Forschung”. Они удачно дополняются тематическими антологиями работ современных исследователей[20]. Они снабжены постатейными или общими библиографиями.

Необходимо обратить внимание на некоторые тенденции, оказывающие существенное влияние на изучение избранной темы. Важным фактором является расширение круга источников и совершенствование методи-

---

17 Heuß A. Römische Geschichte. Braunschweig 1960; Paderborn etc., 1998[6] (hrsg., eingeleitet und mit einem neuen Forschungsteil versehen von J. Bleiken, W. Dahlheim und H. J. Gehrke); Christ K. Geschichte der römischen Kaiserzeit. München, 2005[2]; Dahlheim W. Geschichte der römischen Kaiserzeit. München, 1999[2]; Jacques F.; Scheid J. Rome et l’intégration de l’Empire. Tome I. Les structures de l’Empire romain. 44 av J.-C. – 260 ap. J.-C. P. Stuttgart etc., 1996[3] (dt.: Rom und das Reich in der hohen Kaiserzeit. Bd. I. Die Struktur des Reiches. 1998); Wells C. The Roman Empire. Cambr. (Mass.), 1995[2] (dt.: Wells C. Das Römische Reich. München, 1994[4]) etc.

18 Millar F. The Emperor in the Roman World, 31 B.C.–A.D. 337. L., 1977 (1992[2]); Flaig E. Den Kaiser herausfordern. Die Usurpation im Römischen Reich. Frankfurt a. M., 1992; Bleicken J. Verfassungs- und Sozialgeschichte des Römischen Kaiserreiches. Bd. 1–2. Paderborn, 1995[4]–1994[3]; Bellen H. Grundzüge der römischen Geschichte. Bd. I: Von der Königszeit bis zum Übergang der Republik in den Prinzipat. Darmstadt, 1992[2]; Bd. II: Die Kaiserzeit von Augustus bis Diocletian. Darmstadt, 2010[2]. Отдельные работы по государственно-правовой проблематике будут рассмотрены в последующих разделах, а также в V главе.

19 Haase W., Temporini H. (hrsg.). Aufstieg und Niedergang der römischen Welt (далее: ANRW) Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung. Berlin; N. Y., 1972–1998–. Опубликовано 4 тома по Республике и 37 томов, посвящённых принципату. Издание было временно приостановлено.

20 Schmitthenner W. (Hrsg.) Augustus. Darmstadt, 1985[2]; Binder G. (Hrsg.). Saeculum Augustum. 3 Bd. Darmstadt, 1987–1991[3]; Millar F., Segal E. (ed.). Caesar Augustus. Seven Aspects. Oxf., 1984; Raaflaub K.; Toher M. (ed.). Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and his principale. Berkeley, 1990; Galinsky K. (ed.). The Cambr. Companion to the Age of Augustus. Cambr., 2005; Edmondson J. (ed.). Augustus. Edinburgh, 2009. Первые два названия содержат статьи в переводе на немецкий, последующие – на английский языки. Важные темы получили освещение в тематическом сборнике: Riviere Y. (ed.). Des réformes augustéennes (Collection de l’École Française de Rome; 458). Rome, 2012. См. также материалы конференции: Hurlet F. (ed.). Le principat d’Auguste: réalités et représentations du pouvoir autour de la Res publica restituta; [actes du colloque de Nantes, 1er – 2, juin 2007]. Rennes, 2009. По случаю 2000-летия со дня смерти опубликован сборник статей: Horster M.; Schuller F. (Hg.) Augustus. Herrscher an der Zeitenwende. Regensburg, 2014 (для рассматриваемой темы особенно важны статьи: C. M. Girardet и W. Eck, в которых уделяется внимание «республиканской» природе римского государства времени Августа).

ки их анализа. Произведения литературы, архитектуры и искусства давно исследуются филологами, искусствоведами, археологами. Всё же разделы, освещавшие культуру, включались ранее в исторические труды в основном как необязательное дополнение или подборка иллюстраций к излагаемым событиям. В последние десятилетия искусствоведы сильно продвинулись в осмыслении художественных произведений как части духовной и политической жизни. Применительно ко времени Августа серьезный шаг сделал историк искусства Пауль Цанкер в книге «Август и власть изображений»[21]. Полученные результаты были введены автором в общеисторический контекст, значительно обогащая картину эпохи. Работа нашла широкий отклик и была продолжена рядом исследователей[22]. Интересный синтез римской культуры времени Августа, в основном опирающийся на изучение поэзии, удался Карлу Галински[23].

Значимое направление исследований было открыто книгой Клода Николе «Описание земель», показавшей роль пространственных представлений в определении политики, в создании системы управления Империей, а также в формировании имиджа победоносного императора. В последние годы появился целый ряд работ, посвящённых инвентаризации, организации и использованию географических или городских пространств для решения идеологических, политических, административных, эстетических и других задач[24].

Перечисленные примеры демонстрируют важность изучения ментальности и культуры в самом широком смысле слова. Августовы преобразо-

---

21 Zanker P. Augustus und die Macht der Bilder. Попытки исторической трактовки изображений, особенно на монетах, предпринимались и другими исследователями: Неверов О. Я. Портрет в римской глиптике I в. до н.э. и его роль в формировании и утверждении идеологии принципата. Автореф. Л., 1962; его же. Античные камеи в собрании Эрмитажа. Каталог. Л., 1988 и другие работы этого автора; Simon B. Die Selbstdarstellung des Augustus in der Münzprägung und in den Res Gestae. Hamburg, 1993; Абрамзон М. Г. Римский императорский культ в памятниках нумизматики. Магнитогорск, 1993; его же. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. Автору оказалась пока недоступна диссертация: Schachinger W. Die Propaganda des Augustus im Spiegel seiner Münzprägung. Wien, 2010. См. также главы VII сл.

22 Favro D. The urban image of Augustan Rome. Cambr., 1996; Spannagel M. Exemplaria principis. Untersuchungen zu Entstehung und Ausstattung des Augustus Forums. Heidelberg, 1999; Haselberger L. Urbem adornare. Rome's urban metamorphosis under Augustus. Portsmouth, RI, 2007; Boschung D. Die Bildnisse des Augustus. Berlin, 1993; Rose C. B. Dynastic commemoration and imperial portraiture in the Julio-Claudian period. Cambr., 1997; Hölscher T. The language of images in Roman art. Cambr., 2004; Andreae B. Römische Kunst von Augustus bis Constantin. Darmstadt etc., 2012. S. 49ff. etc.

23 Galinsky K. Augustan culture. An interpretive introduction. Princeton, NJ, 1996; cf.: id. Augustus: Introduction to the life of an Emperor. Cambr. etc., 2012 (рец. Я. Ю. Межерицкого // ВДИ 2013. № 3. С. 222–231); deutsch: Augustus: sein Leben als Kaiser. Darmstadt, 2013.

24 Nicolet C. L' inventaire du monde: géographie et politique aux origines de l'Empire romain. Nouvelles études historiques P., 1988 (engl.: Space, geography, and politics in the early Roman empire. Ann Arbor, 1991; cf.: Purcell N. Maps, lists, money, order, and power // JRS. Vol. 80. 1990. P. 178–182; de Angelis F. (ed.) Spaces of justice. Leiden; Boston, 2010; Ewald B. C., Norena C. F. The emperor and Rome: space, representation, and ritual. New Haven, Conn., 2011 etc..

вания все отчетливее предстают как продукт эллинистическо-римской цивилизации. По мнению ряда ученых, в частности, Эндрю Уоллис-Хэдрилла, масштаб изменений даёт основание говорить об (Августовой) «культурной революции»[25]. Формирование новой римской государственности было обязано переменам в общей картине мира не менее, чем геополитическим сдвигам. Складывались новые ценностные ориентации, разумеется, и у представителей политического класса. В этом контексте раскрывается дополнительный смысл многих практических мероприятий Августа. Э. Уоллис-Хэдрилл высказал мнение, что накопление знаний и рост значения профессионалов подорвали монополию римской аристократии. У императора появилась возможность создания небольшого, но эффективного аппарата для управления Империей. Если этот частный тезис еще нуждается в дополнительном обосновании, то неразрывная связь мировоззренческих метаморфоз и перестройки политических и государственных структур в целом вряд ли может вызывать сомнения. Работа по выявлению и конкретизации механизмов взаимодействия различных сфер социальной жизни еще предстоит.

Ученые, принадлежавшие различным поколениям, видели в событиях переходной эпохи разные «революции». В первой половине XX века М. И. Ростовцев и Р. Сайм писали о «рождении Римской империи» и социально-политической революции. Во второй половине того же столетия стала привлекать все большее внимание «Августова революция» и «революция в сознании» (Ф. Миллар). На рубеже тысячелетий начала выкристаллизовываться обобщающая концепция «римской (Августовой) культурной революции» (Э. Уоллис-Хэдрилл). Растет понимание роли не только настроений и состояния умов, но и стереотипов — своего рода «социальных генов» — характерных для того или иного общества и проявляющихся в образе его жизни. Важным направлением является изучение политической культуры[26]. Интерес исследователей сосредоточился в основном на времени Республики, когда формировались характерные черты менталитета римского гражданства[27]. Гораздо меньше работ, посвященных времени Ранней Империи, хотя функционирование нового режима во

---

25 Habinek Th; Schiesaro A. (Hrsg.). The roman cultural revolution. Cambr., 1997; Wallace-Hadrill A. Rome's cultural revolution. Cambr. etc., 2008; Spawforth A. Greece and the Augustan cultural revolution. Cambr. etc., 2012 (I. "Greece and the Augustan age". P. 1–58) etc.

26 См. обзор: Дементьева В. В. Современное антиковедение: изучение римской политической культуры // Античная история и классическая археология. М., 2006. С. 50–63.

27 Hölkeskamp K.-J. Rekonstruktionen einer Republik: die politische Kultur des antiken Rom und die Forschung der letzten Jahrzehnte. München, 2004; id. Senatvs Popvlvsqve Romanvs: die politische Kultur der Republik. Dimensionen und Deutungen. Stuttgart, 2004; id. (hrsg.). Eine politische Kultur (in) der Krise? Die "letzte Generation" der römischen Republik. München, 2009 (mit Beiträgen von H. Beck, F. Bücher, J.-M. David, E. Flaig, T. Hölscher, M. Jehne, R. Morstein-Marx, W. Nippel, U. Walter, G. Zecchini).

многом также определялось традициями, правилами взаимоотношений и нормами поведения[28].

В какой-то мере в силу переходного характера рассматриваемого периода появлению и нарастанию монархических тенденций уделяется больше внимания, чем сохранению влияния политических традиций Республики. Еще в XIX веке Л. Фридлендер обратил внимание на императорский двор и церемониал[29]. Позднее появились работы А. Альфёльди, в которых дан анализ внешних атрибутов власти, символики и ритуалов[30]. В последние десятилетие много внимания уделялось императорскому культу, особенно в провинциях[31]. Параллельно с этим изучаются и другие линии становления и укрепления единоличной власти. Это касается, например, правовых и внеправовых аспектов «принципата», которым будет уделено внимание в последующих разделах[32].

Эффективность новых подходов не означает, что традиционные трактовки потеряли свое значение. Развитие науки говорит о том, что различные взгляды дополняют друг друга и обогащают наше понимание исторической действительности. Так, более адекватное понимание мотивов, образа мыслей, эмоций, жизненных ценностей творцов, участников и современников изучаемых исторических феноменов даёт возможность лучше понять события и институты, которые существовали и действовали не в вакууме, а в определённой ментальной среде. Это в полной мере относится к идеологии и политике «восстановленной республики».

---

28 См, напр.: Flower H. I. The art of forgetting: disgrace & oblivion in Roman political culture. Studies in the history of Greece and Rome. Chapel Hill, N.C. etc, 2006. В частности, о периоде правления Августа: С. 115 слл., 160 слл.

29 См. Friedländer L. F. Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit von August bis zum Ausgang der Antonine. 4 Bd. (1. Ausgabe) 1862–1871. Перевод: Фридлендер Л. Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до Антонинов. Т. 1. Пер. с фр. СПб., 1914. С. 31–98.

30 Alföldy A. Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreich. Darmstadt, 1970^3; id. Die zwei Lorbeerbäume des Augustus. Bonn, 1973; cf.: Winterling A. Aula Caesaris: Studien zur Institutionalisierung des römischen Kaiserhofes in der Zeit von Augustus bis Commodus (31 v. Chr. – 192 n. Chr.). München, 1999^2 etc.

31 Свенцицкая И. С. Восприятие царя и царской власти в эллинистических полисах (по данным эпиграфики) // Государство, политика и идеология в античном мире. Л., 1990. С. 97–108; ее же. Особенности культа императора в малоазийских провинциях в I в. н.э // История и языки Древнего Востока: памяти И.М. Дьяконова. СПб., 2002. С. 259–267; ее же. Знаки власти в изображениях римских императоров // Власть и образ: Очерки потестарной имагологии. СПб., 2010. С. 106–109; Fears J. R.. Princeps a diis electus: the divine election of the Emperor as a political concept at Rome. Rome, 1977; Wlosok A. (Hrsg.). Römischer Kaiserkult (WdF). Darmstadt, 1978. Clauss M. Kaiser und Gott. Herrscherkult im römischen Reich. Stuttgart, 1999; Witulski T. Kaiserkult in Kleinasien. Göttingen, 2007; Herklotz F. Prinzeps und Pharao: der Kult des Augustus in Ägypten. Frankfurt a.M., 2007; Pfeiffer S. Der römische Kaiser und das Land am Nil. Kaiserverehrung und Kaiserkult in Alexandria und Ägypten von Augustus bis Caracalla (30 v. Chr. – 217 n. Chr.). Stuttgart, 2010 etc.

32 Cotton H. M.; Yakobson A. Arcanum imperii: The powers of Augustus // Clark G.; Rajak T. (eds.). Philosophy and power in the graeco-roman world: essays in honour of Miriam Griffin. Oxf., 2002. P. 193–209; Girardet K. M. Rom auf dem Weg von der Republik zum Prinzipat. Bonn, 2007 (переиздание статей, посвященных переходному периоду).

Значительное место в августиане занимают публикации, посвященные биографии императора в контексте его времени. Ввиду своей популярности, они имеют большой удельный вес и могут служить хорошим введением в изучение темы[33]. Основополагающей и до сих пор непревзойдённой по охвату доступных в то время источников является вышедшая на рубеже XIX–XX вв. трёхтомная работа Гардтгаузена[34]. Как и большинство других работ этого жанра, она сосредоточена не столько на подробностях личной жизни (о них, несмотря на биографические сочинения Николая Дамасского и Светония, нам известно не так уж много), а на политической и государственной деятельности. Эти книги содержат также достаточно основательные описания «века Августа». Целый ряд биографий и обзоров Августова правления, принадлежащих известным исследователям, впервые опубликован или переиздан с необходимыми корректурами в последние годы[35].

Даже краткий обзор показывает, насколько широкий круг вопросов затрагивается при рассмотрении Августова века. Особое внимание исследо-

---

[33] О проблемах биографии Августа и об особенностях жанра как такового см.: Bringmann K. Kaiser Augustus. Grenzen und Möglichkeilen einer Biographie // Gymnasium 115. 2008. S. 169–183. Специфике, проблемам изучения и возможностям жанра посвящен сборник статей: Winterling A. (Hrsg.). Zwischen Strukturgeschichte und Biographie. Probleme und Perspektiven einer römischen Kaisergeschichte (Augustus bis Commodus). München, 2011 (применительно к теме особенно важны статьи D. Timpe, U. Walter, A. Winterling).

[34] Gardthausen V. Augustus und seine Zeit. 3 Teile in 6 Bd. Leipzig, 1891–1904 (ND: Aalen, 1964). Среди важных биографий Августа, вышедших во второй пол. XX века, см.: Bengtson H. Kaiser Augustus: sein Leben und seine Zeit. München, 1981; Vittinghoff F. Kaiser Augustus. Göttingen, 1991[3]; Shotter D. Augustus Caesar (1991). L., N. Y., 2005[2]; Kienast D. Augustus — Prinzeps und Monarch (1982). Darmstadt, 2009[4]; Giebel M. Augustus (1985). Hamburg, 2006[8]; Lacey W. K. Augustus and the principate: the evolution of the system. Leeds, 1996; Cardoso J. Um retrato de Augusto: subsidios para o estudo da sua personalidade. Braga, 1996[2]; Neraudau J.-P. Auguste: la brique et le marbre. P., 1996; Southern P. Augustus. L., N. Y., 1998; Bleicken J. Augustus. Eine Biographie (1998). Berlin, 2010; Eck W. Augustus und seine Zeit (1998). München, 2009[5] (engl.: The age of Augustus. Oxf., 2003; 2007[2]; Hoboken, 2012, online-Ressource); Fraschetti A. Augusto. Rome etc., 1998 etc.

[35] Некоторые книги биографического и общего характера последних лет: Renucci P. Auguste le revolutionnaire. P., 2003; Mellor R. Augustus and the creation of the Roman empire: a brief history with documents. N. Y., 2006; Levick B. Augustus. Image and Substance. L., 2010; Bringmann K. Augustus. Darmstadt, 2012[2]; Dahlheim M. Augustus. Aufrührer, Herrscher, Heiland. München, 2010; Yavetz Z. Augustus. Rheinbeck, 2010; Richardson J. Augustan Rome 44 B.C. to A.D. 14: the restoration of the republic and the establishment of the empire. Edinburgh, 2012; Pabst A. Kaiser Augustus: Neugestalter Roms. Stuttgart, 2014; Goldsworthy A. Augustus: first emperor of Rome. New Haven, Conn. etc., 2014. Не прошла незамеченной круглая дата — две тысячи лет со дня его смерти. В Риме и в Париже в 2013–2014 гг. состоялась юбилейная выставка (каталог: La Rocca E. etc. Augusto. Milano, 2013). Известные журналы, и не только в Италии, посвятили юбилею иллюстрированныее выпуски с популярными очерками ряда специалистов, например: Auguste ou le gouvernement du monde. Dossier speécial // L'Histoire. № 395. P., 2014. P. 37–83.; Erenz B. (Hrsg.). Roms erster Kaiser – Augustus: Tyrann oder Lichtgestalt? Hamburg, 2014 (= Die Zeit. Zeitgeschichte. 2014. Heft 2). Не было недостатка и в попытках применить опыт Августа к современным событиям. См., напр., Günther H.-C. Augustus nach 2000 Jahren // id. (Hrsg.). Augustus und Rom: 2000 Jahre danach. Akten des Symposions Augusto e Roma, 2000 Anni dopo Roma. 2014. Nordhausen, 2015. S. 15–46 (Августу посвящен почти весь сборник статей); Riedel V. Augustus und die Errichtung des Prinzipats aus der Sicht des 20. Jahrhunderts: zur publizistischen, wissenschaftlichen und literarischen Rezeption einer "konservativen Revolution" in Deutschland // id. Verklärung mit Vorbehalt. Jena etc., 2015, S. 141–155 etc.

вателей привлекает проблема характера новой государственности. Это легко объяснимо. Заново устроив Римскую державу, Август сумел прекратить длившиеся в течение столетия неурядицы и заложить фундамент успешного развития Империи.

II.2. О трактовках принципата и «восстановленной республики»: до Моммзена включительно

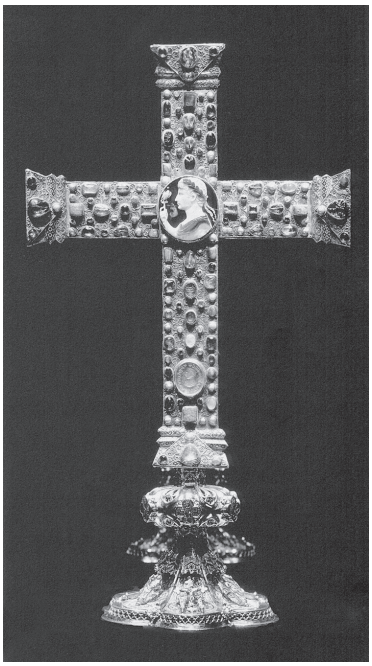
Последующие разделы данной главы следует рассматривать не как традиционную историографию. Это скорее панорама идей, под влиянием которых сформировалось авторское видение изучаемой темы. Содержащаяся здесь полемика имеет целью четче обозначить проблематику исследования. Критический анализ отдельных работ должен выявить «узкие места» в имеющихся концепциях принципата, и, соответственно, возможные направления дальнейшего поиска.

Созданная Августом сложная социально-политическая система не вписывается в узкие государственно-правовые рамки. Тем не менее, принимая в расчёт сложившуюся традицию изучения Ранней Империи, преобладающую тематику и состояние исследований, автор считает необходимым начать рассмотрение с трактовок «принципата», которые предлагают специалисты по римскому государственному праву. При этом учитываются особенности римского менталитета, важной составной частью которого было правовое сознание.

Вопрос о «республике», «свободе» и «тирании» имел в Риме непреходящую актуальность. По-видимому, мероприятия Августа были темой салонных бесед и нешумных реплик на форумах уже при его жизни. Младший современник Августа, Веллей Патеркул, около 30 г. н.э. настаивал на том, что Августом была восстановлена «та самая, древняя форма республики». Ещё через семьдесят лет Тацит изложил содержание пересудов в Риме после кончины принцепса. Сам историк склонялся к мнению, что Август «под видом принципата установил монархию»[36]. Поздние римские историки писали о нем как об основателе Римской империи (как монархии), уже не вспоминая о «восстановленной республике». Раннехристианские мыслители предпринимали попытки отождествить *pax Augusta* и *pax Christiana.*

Варварские короли и средневековые европейские правители подражали римским императорам или играли роль их наследников. Начиная с Карла Великого (800 год) монархи, претендовавшие на статус «императоров», стремились короноваться в Риме. Август был примером образцового мо-

[36] Правда неясно, насколько *pro* и *contra* относятся к 14 г. н.э. или ко времени написания «Анналов». О свидетельствах Веллея и Тацита, а также других античных авторов, см. разделы I.4 слл., IV.8; IX.3 и слл.



Илл. II.2. *«Крест Лотаря» в сокровищнице Аахенского собора. См. «Комментарии к иллюстрациям» в конце книги.* Илл. II.3. *Вмонтированная в «Крест Лотаря» античная гемма с изображением Августа*

нарха[37], например, для императора Оттона I Великого, которого считали 77-м императором, начиная от Августа. Тогда была распространена идея перенесения царской власти/достоинства (*translatio imperii*) от римлян на франков. Так сформировалась и концепция основанной Оттоном (император: 962–973) Священной Римской империи (германской нации). Этим претензиям соответствовала титулатура: *imperator augustus* или *Romanorum imperator augustus*[38].

---

37 См.: Frauenholz E. von. Imperator Octavianus Augustus in der Geschichte und Sage des Mittelalters // HJ. Bd. 46. 1926. S. 86–122; Hönn K. Augustus im Wandel zweier Jahrtausende. Leipzig, 1938; Pfeil S. von. Der Augustustitel der Karolinger // Die Welt als Geschichte 19. Stuttgart, 1959. S. 194–210; Leppin H. (Hrsg.). Kaisertum im ersten Jahrtausend: wissenschaftlicher Begleitband zur Landesausstellung "Otto der Große und das Römische Reich. Kaisertum von der Antike zum Mittelalter". Magdeburg, 2012, bes. S. 364 ff.

38 Истоки идеи *translatio imperii* следует искать в пророчестве Даниила (Dan. II. 36–40) о последовательно сменяющих друг друга четырех империях. В средние века говорилось о переносе римской императорской власти на европейских монархов. Идея «реставрации империи» не была чужда уже византийскому императору Юстиниану I (527–565), а позднее — ряду германских правителей, особенно Салической (Франконской) династии. Коронация Карла папой римским 25 декабря 800 г. рассматривалась как *translatio imperii*. Среди новых публикаций на эту тему см. небольшой каталог выставки: Haag S. (Hrgs.) Väter Europas: Augustus und Karl der Große; eine Kabinettausstellung des Kunsthistorischen Museums, 27. Mai bis 21. September 2014. Wien, 2014. Ссылка на авторитет Августа была существенна для правителей Священной Римской империи. Показателен пример матери и регентши Оттона III Феофано (регентство:

На происхождении своей власти от Августа, через Друза-Пруса и Рюрика, а также через Византию, настаивали также российские цари. Появилась известная концепция «Москва — Третий Рим». «Мы от Августа кесаря родствомъ ведемся», — не преминул указать Иван Грозный в своём письме от 1573 года шведскому королю[39].

Идеологи Просвещения (Монтескье, Вольтер) пытались развенчать авторитет Августа — монарха *par excellence*. Они рассматривали его как узурпатора, путём насилия и обмана под видом «республики» установившего единовластие. В этом пафосе обличения просветители, не особенно вникая в исторические детали, следовали трактовке Тацита — «бича тиранов». Тогда «республика» вошла в политический словарь новой Европы в значении «свободное государство, управляемое выборной властью». В этом историческом контексте утвердилась периодизация римской истории, согласно которой с установлением власти Августа началась эпоха Империи, что также означало — «монархии». На этом процесс переоценок не завершился. Учреждение в 1794 г. Директории, после ужасов якобинской диктатуры, сравнивали с установлением принципата — уже со знаком плюс.

До второй половины XIX в. Август рассматривался как основатель монархии в Риме, а история эпохи во многом сводилась к описанию правлений отдельных правителей. Новая историография истории Ранней Империи открылась трудами Теодора Моммзена (1817–1903), в частности, его «Римским государственным правом» (Römisches Staatsrecht). Оно издавалось с 1871 г., третье, переработанное издание появилось в 1887–1888 гг[40].

Моммзен обратил внимание на «республиканский» элемент в восстановленном Августом государстве. Оно определялось как «диархия» (греч.: двоевластие) и «принципат» (правление принцепса, от лат.: *princeps*)[41]. Под

983–994), которая называла себя *Theophanis gratia divina imperator augustus* (См.: Бульст-Тиле М. Л.; Йордан К., Флекенштейн Й. Священная Римская империя: эпоха становления. Пер. с нем. СПб., 2008. С. 113). Империя просуществовала с 962 до 1806 г. (Указание на «германскую нацию» в названии государства стало появляться с сер. XV века). См.: Schieffer R. Otto Imperator — In der Mitte von 2000 Jahren Kaisertum // Leppin H. (Hrsg.) Kaisertum im ersten Jahrtausend… S. 355–374, hier S. 364 ff.; Рапп Ф. Священная Римская империя германской нации. СПб., 2009.

39 Послание шведскому королю Юхану III (Johan III) 1573 года. Подготовка текста Е. И. Ванеевой, перевод и комментарии Я. С. Лурье // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. (Электронные публикации Института русской литературы / Пушкинского дома РАН); Легендарные историко-политические сказания о происхождении русских князей от императора Августа и о дарах Константина Мономаха // L'idea di Roma a Mosca secoli XV–XVI. Идея Рима в Москве XV–XVI века. Отв. Редакторы P. Catalano, В. Т. Пашуто. Roma, Mosca, 1989. С. 11–64. См. также другие тома серии "Da Roma alla terza Roma". Documenti e studi. Dir. P. Catalano etc.

40 Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Handbuch der Alterthümer. 3 Bde. (bes. Bd. II.1–II.2). Leipzig, 1887–1888^3. О Моммзене см.: Маяк И. Л. Теодор Моммзен как историк // ВДИ. 2005 №. 1. С. 168–179, и литературу в следующих сносках.

41 Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. II. 2: Der Principat. Leipzig, 1887^3 (ND Darmstadt, 1963); Cf.: id. Abriß des Römischen Staatsrechts. Bd. III. 2. Leipzig, 1907^2 (ND Darmstadt, 1974). S. 1262 ff.; id. Abriß des römischen Staatsrechts // Systematisches Handbuch der Deutschen Rechtswissenschaft I, 3. 1983. S. 148 ff., 270 ff., cf.: Heuss A. Theodor Mommsen und das 19. Jahrhundert. Kiel, 1956 (ND Stuttgart, 1996);